

ВЕСТНИК

МГУ им. М.А.Шолохова

Sholohov Moscow State University
for the Humanities

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2010

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

1.2010

Издается с 2001 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:
www.mgoru.ru

Подписной индекс
36732
в основном каталоге
Роспечати

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М.А. Шолохова**

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

Редакционная коллегия
И.Г. Жиряков – *гл. редактор*,
А.И. Юрьев – *зам. гл. редактора*,
А.А. Орлов – *отв. секретарь*,
В.Д. Нечаев, В.И. Шерemet,
В.В. Парфенова, А.В. Миронов

Электронная версия журнала:
www.mgoru.ru

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Юрьев А.И.*
Эсеры: от июльских событий к Корниловскому мятежу
(на примере Центрального промышленного района России) 4
- Никифоров Ю.А.*
Планировал ли накануне войны СССР нанести упреждающий удар
по Германии? (Оперативно-стратегические планы
Советского Союза накануне Великой Отечественной войны) 13
- Антонова Т.В.*
Программа «Политической новизны» великого князя
Константина Николаевича Романова. 22

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Орлов А.А.*
Идея естественного права в «Трактате об установлении мира
в мире христианском» (1464-й год) 34
- Суховерхов В.В.*
Испания первой половины XVIII века: начало модернизаторских
инициатив «просвещенного абсолютизма» 44
- Артеменко С.А.*
Причины возникновения и развитие движения методистов
в Англии XVIII века 51
- Жиряков И.Г.*
К вопросу о терминологии событий марта–апреля 1938 года
в истории Австрийского государства 60

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Иванишкина Ю.В.*
Теоретические основы исламской политической субкультуры 68
- Мурашева Е.В.*
Политический центр в партийных системах разного типа 77
- Усикова Л.Ф.*
Политическая культура 90

НАШИ АВТОРЫ 102

CONTENTS 103

ПАМЯТКА АВТОРУ. 107

А.И. Юрьев

Эсеры: от июльских событий к Корниловскому мятежу (на примере Центрального промышленного района России)

В статье рассказывается о деятельности Партии социалистов-революционеров и ее организаций в Центральном промышленном районе России после июльских событий 1917 г. и в ходе Корниловского мятежа.

Ключевые слова: Временное правительство, Партия социалистов-революционеров, эсеры, большевики, кадеты, Советы депутатов, мятеж, митинг, резолюция.

После июльских событий Временное правительство перешло в наступление. Началось разоружение полков, принимавших участие в событиях 3–5 июля, 12 июля была введена смертная казнь на фронте, 18 июля был назначен новый главнокомандующий армией – генерал Л.Г. Корнилов.

Ленин и ряд руководителей РСДРП(б) были обвинены в шпионаже в пользу Германии и получении от нее денег. При этом следует отметить, что еще весной 1917 г. в печати поднимался вопрос о необходимости внесения ясности в обстоятельства проезда Ленина и других большевиков через территорию Германии. Об этом писали не только либеральные, но и газеты социалистических партий, в том числе и эсеровские. События 3–5 июля в Петрограде и начавшееся 6 июля наступление немецких войск на позиции XI армии Юго-Западного фронта, приведшее к краху наступления русской армии, также дали повод для подобных обвинений. Прошли аресты некоторых большевиков и захват отдельных объектов, принадлежавших большевистской партии.

Однако, на наш взгляд, было преувеличением со стороны советской историографии заострять внимание на преследовании большевиков со

стороны Временного правительства, эсеров и меньшевиков. В Центральном промышленном районе, например, свободно действовало подавляющее количество большевистских партийных организаций, которые проводили собрания, митинги, издавали газеты, вели другую организаторскую и пропагандистскую работу, заседали в Советах. В Петрограде совершенно легально, с 26 июля по 3 августа, проходили заседания VI съезда РСДРП(б), действовали ЦК и районные комитеты большевистской партии. Хотя, безусловно, в некоторых случаях имели место факты арестов, избияния населением большевиков, изгнания их с митингов, собраний. Однако в целом травля, о которой все время говорили большевики, носила словесный характер – на митингах, собраниях и особенно в печати. Репрессии были в основном направлены против армии.

В нашей исторической науке практически ничего не говорится о том, что подобной травле подвергались и другие социалистические партии, в т.ч. эсеры, правда, в меньшей степени. При этом прочно укрепилось мнение, что эсеры и меньшевики после июльских событий встали на позиции полной поддержки действий правых.

Однако это было не так. В.М. Чернов, например, был вынужден выйти из состава первого коалиционного Временного правительства в связи с начатой в либеральных кругах кампанией, которую эсеры характеризовали как «клеветническую». Они рассматривали ее как попытку нанести удар всей Партии социалистов-революционеров и начало систематической травли против социалистических партий с целью дискредитировать их, чтобы тем самым «подготовить торжество реакции» [2. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л. 142].

Известие о выходе Чернова из правительства было встречено в большинстве Советов с сочувствием и пониманием. Исполком Костромского губернского Совета крестьянских депутатов, например, обсудив вопрос об отставке Чернова, решил направить ему телеграмму, в которой выражал лидеру эсеров сердечное сочувствие, а также негодование врагами, «пытающимися низкими средствами ослабить наши силы». Исполком настаивал, чтобы выход Чернова из правительства был кратковременным, а интересы трудящихся не остались без «защитника». Было подчеркнуто, что уход Чернова не улучшит, а ухудшит положение врагов революции [4. Ф. 383. П. 2. Д. 28. Л. 29].

При этом эсеры активно выступали против расформирования полков, отмечая, что в событиях 3-5 июля участвовали отдельные группы солдат, а не отдельные воинские части. Фракция социалистов-революционеров при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, рассмотрев этот вопрос 19 июля на своем заседании, отметила, что это «может быть использовано как способ борьбы с революционными организациями

и представительными учреждениями в частях». Своим постановлением фракция признала нецелесообразным и даже опасным расформирование отдельных воинских частей, осудила требования штаба Петроградского военного округа о выдаче «зачинщиков» и настаивала, чтобы без тщательного судебного расследования ни одна часть, ни одна группа, ни один солдат не были подвергнуты наказанию. При этом особо отмечалось, что отправка маршевых рот на фронт «ни в коем случае не может рассматриваться как наказание» [2. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л. 144].

С решительным протестом выступили эсеры и против незаконных арестов и преследований представителей социалистических партий. Они настаивали на немедленном освобождении всех арестованных, которым не предъявлено никакого обвинения, назначении скорейшего суда с участием присяжных заседателей над всеми обвиняемыми и привлечении к ответственности всех лиц, виновных в незаконном лишении свободы [Там же. Л. 136]. Резко осудили эсеры и введение смертной казни на фронте как меры, «могущей быть истолкованной для контрреволюционной цели». На заседании своей фракции в Петросовете они потребовали от Временного правительства ее отмены. При этом отмечалось, что дезорганизации армии надо противодействовать «не зверскими мерами репрессий, а исключительно последовательно проводимой демократизацией и воодушевлением армии сознанием, что она защищает родину и революцию» [Там же].

В резолюции, принятой исполкомами Московских Советов рабочих и солдатских депутатов, также говорилось, что исключительные меры следует применять не к целым политическим течениям, а только к лицам, обвиняемым в определенных преступных действиях. При этом им должны быть обеспечены установленные судебные гарантии [6. Ф. 66. Оп. 12. Д. 153. Л. 15].

Президиум Московского Совета принял специальное постановление по вопросу о травле большевиков, где, в частности, предусматривалось организовать в «Известиях Совета рабочих депутатов» кампанию против этой травли и предложить социалистическим партиям поддержать ее в своих органах, а также разработать ряд практических мер против контрреволюционной агитации. Для реализации этого постановления была избрана специальная комиссия. Эсеры заявили на заседании президиума, что они, отмежевываясь от линии поведения большевиков, тем не менее готовы принять меры против их травли [Там же. Л. 16–18].

Таким образом, с одной стороны, эсеры поддерживали большевиков, выступая с ними заодно по ряду принципиальных вопросов, но в то же время продолжали находиться в составе Временного правительства

с представителями правых, в т.ч. кадетами. Сложилась весьма интересная ситуация, когда политика эсеровской и меньшевистской партий, позиция Советов, где они занимали большинство мест, не устраивала как правых – кадетов, так и левых – большевиков.

На своем IX съезде, который проходил почти одновременно со съездом большевистской партии, кадеты выступили за укрепление государственной власти, жесткие меры по борьбе с революционной стихией и устранение политического влияния Советов.

Эсеры уже в середине июля увидели опасность действий правых сил. На прошедшем объединенном пленарном заседании ВЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов отмечалось, что, безусловно, «исключительное положение требует исключительных мероприятий, требует твердой революционной власти». Но при этом указывалось «на грозящую опасность контрреволюции, нагло врывающейся в двери, открытые анархией». На заседании прямо говорилось: «Контрреволюция присосалась к самим репрессиям, обращаемым против анархии, и пытается эти репрессии из необходимого орудия спасения революции превратить в орудие ее гибели» [4. 18 июля].

Если пик революционной стихии летом 1917 г. достиг своей верхней точки в событиях 3–5 июля, то пик правого противодействия наиболее проявился в событиях, которые вошли в историю под названием Корниловского мятежа, когда генерал Корнилов 25–31 августа двинул войска на Петроград с целью установления там «твердого порядка».

В нашей исторической науке совершенно справедливо говорится о том, что самое активное участие в организации борьбы с Корниловским мятежом принадлежит большевистской партии. В то же время роль эсеровской партии в августовских событиях до последнего времени трактовалась как чуть ли не пособническая этому мятежу или, в лучшем случае, умалчивалась. Справедливости ради надо сказать, что и Партия социалистов-революционеров в эти дни не была сторонним наблюдателем.

ВЦИК Советов создал специальный комитет народной борьбы с контрреволюцией, куда вошли представители всех советских партий, в т.ч. эсеры. В Петрограде эсеры вместе с большевиками занимались созданием боевых дружин, которыми руководили Советы рабочих и солдатских депутатов, организацией охраны заводов, мобилизацией рабочих на строительство укреплений. Из представителей социалистических партий на заводах и фабриках создавались совместные комиссии, комитеты по борьбе с контрреволюцией. В то же время, если эсеры высказывали доверие Временному правительству, большевики выступали против него.

В Центральном промышленном районе известие о Корниловском мятеже также вызвало усиление активности всех партий, в т.ч. и эсеров. Московские эсеры охарактеризовали мятеж Корнилова как авантюру, которая всецело поддерживается буржуазией и «знаменует собой полный разрыв с организованной демократией, защищающей все завоевания революции» [6. Ф. 66. Оп. 13. Д. 12. Л. 10].

В ряде мест прошли митинги, собрания, на которых принимались резолюции в связи с мятежом.

Интересно, например, что на заводе Курлово Касимовского уезда Рязанской губернии состоялось совместное собрание организаций эсеров и большевиков. В принятой резолюции говорилось, что Корниловский мятеж является попыткой буржуазии захватить власть и развязать гражданскую войну. Выдвигались требования ареста и предания суду Корнилова и других лиц, причастных к заговору, реорганизации на демократических началах командного состава, устранения «буржуазных элементов» из всех общественных организаций и учреждений. Собрание выразило полное доверие Советам, а также Временному правительству «в составе министров-социалистов» и потребовало полной власти «действительным демократическим Органам и Временному правительству, работающему в полном согласии с Советами» [2. Ф. 60. Оп. 1. Д. 55. Л. 116].

Созданный в Рязани губернский комитет спасения революции, Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов в обращении к гражданам Рязани и Рязанской губернии писали: «Сомкнем ряды вокруг Временного Правительства и органов революционной демократии против контрреволюции...» [3. 31 августа].

За поддержку Временного правительства в дни корниловского мятежа высказалось и объединенное собрание Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фабрично-заводских комитетов, совета профсоюзов, проходившее в Твери. В нем приняли участие и представители всех социалистических партий. При этом большевики, как и эсеры, голосовали за резолюцию «Поддержка Временному правительству в борьбе с контрреволюционным выступлением правого крыла». Собравшиеся отмечали, что поддерживают Временное правительство «в виду исключительно острого положения». А поскольку победить окончательно контрреволюцию, укрепить и углубить революцию власть, организованная на коалиционных началах, не сможет, необходима организация власти на новых началах, в интересах российской и международной революции. Таким органом они видели Временный парламент из всех групп, входящих в Совет и поддерживающих его [2. Ф. 60. Оп. 1. Д. 58. Л. 39–40].

Большой митинг, в котором приняли участие 1250 человек, состоялся на фабрике товарищества Соколовской мануфактуры Баранова во Владимирской губернии. Его организатором явился социалистический блок, в который входили эсеры и РСДРП. Здесь рабочие были настроены более решительно, чем их товарищи на заводе Курлово. Резолюция настаивала, чтобы Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял в свои руки всю власть и неуклонно шел к углублению и расширению революции. Выдвигались требования немедленного обнародования декрета о переходе всей земли народу, закрытия всех буржуазных контрреволюционных учреждений и общественных организаций, органов печати, выдачи оружия Красной гвардии и другие. В резолюции содержался также призыв: «Долой соглашение с буржуазией!» [2. Ф. 60. Оп. 1. Д. 46. Л. 107].

В чисто большевистских документах, как, например, в резолюции Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов, резко осуждались действия Временного правительства, ВЦИК Советов, указывалось на вред политики соглашения демократии с буржуазией «в лице коалиционного министерства», которое «руками министров-социалистов с благословения советского большинства» поддерживает реакционные силы страны и «душит левую часть демократии». Коалиционное правительство обвинялось в том, что оно смотрело на заговор буржуазии и командных верхов армии во главе с генералом Корниловым «сквозь пальцы», и высказывалось требование перехода всей власти в руки действительных революционных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [Там же. Д. 48. Л. 20].

В некоторых местах эсеры вместе с большевиками организовывали работу по отражению мятежа. Так, в Егорьевске Рязанской губернии, где Корниловский мятеж совпал с тяжелым продовольственным кризисом, на экстренном заседании исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов и полкового комитета была избрана революционная директория из 7 человек, в т.ч. двух эсеров и трех большевиков. Было налажено дежурство на телеграфе, телефонной и железнодорожной станциях, усилено дежурство по городу, прекращено издание «буржуазных» газет. В тесном контакте с революционной директорией и комитетами всех социалистических партий работал полковой комитет. Среди солдат были сформированы боевые дружины [Там же. Д. 55. Л. 8–9].

В Москве на объединенном заседании исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов фракция эсеров при Совете рабочих депутатов выступила с заявлением, в котором предложила в целях успешного подавления мятежа срочно обсудить вопросы о буржуазной печати,

созыве Всероссийских съездов Советов рабочих и солдатских депутатов, принятии экстренных мер по борьбе со спекуляцией и о контрразведке. Было решено в связи с заговором Корнилова организовать комиссию по обыскам и обратиться с воззванием к населению, армии и крестьянам [б. Ф. 66. Оп. 12. Д. 169. Л. 1]. В присутствии представителей заводских комитетов от Городского, Пресненского, Замоскворецкого, Хамовнического, Рогожского, Железнодорожного, Лефортовского, Сокольнического, Симоновского, Басманного и Мытищенского районов был рассмотрен вопрос о вооружении рабочих. В принятом решении говорилось о создании рабочих дружин, способе их вооружения, а также о реорганизации милиции. Для осуществления этого решения была выбрана специальная комиссия, в которую вошли по два представителя от каждой фракции в Советах рабочих и солдатских депутатов и по одному от районных исполнительных комитетов Советов рабочих депутатов [Там же. Л. 4, 8].

Однако в ряде случаев эсеры проявили растерянность, неготовность к энергичным, активным действиям. Во многом это объяснялось тем, что Корнилов был назначен главнокомандующим армией Временным правительством, куда входили представители партий эсеров и меньшевиков. Это обстоятельство ставило умеренных социалистов в весьма невыгодное положение, поскольку они несли определенную ответственность за мятеж назначенного правительством генерала. Большевики, наоборот, повели себя в этой ситуации очень напористо, активно и решительно, обвиняя эсеров и меньшевиков в потворстве заговору.

Наиболее характерно это проявилось, например, в городе Рославле Смоленской губернии, где известие о Корниловском мятеже, пришедшее 28 августа, застало эсеров и меньшевиков врасплох и нанесло их авторитету большой урон. Причиной явилось то, что накануне проходило заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, посвященное полугодью Февральской революции и существования Советов. После ряда запланированных речей неожиданно выступил член большевистской фракции Совета и, сделав обзор сил, действующих в революции, подверг резкой критике тактику эсеров и меньшевиков, обвиняя их в контрреволюционности. Его речь вызвала поддержку со стороны части участников заседания, главным образом солдат, находившихся там в большом количестве. Эсеровско-меньшевистский президиум Совета выступил, в свою очередь, с многочисленными протестами и возражениями в связи с этим обвинением.

Поэтому полученное на следующий день известие о Корниловском мятеже повергло эсеров и меньшевиков в полную растерянность. На экстренном заседании Совета они признали правильность тех обвине-

ний, против которых накануне так бурно и горячо протестовали. После этого на заседании было достигнуто «полное междупартийное перемирие» и общее мнение «действовать единодушно». Совет ввел цензуру на телеграфе, были усилены патрули, штаб военной бригады был извещен, что без решения Совета он не имеет права куда-либо направлять солдат или оружие. В воинских полках прошли митинги, на которых солдаты поддержали решения Совета. Митинги состоялись и в железнодорожных мастерских. 29 августа был создан комитет общественной безопасности, куда также вошли представители всех социалистических партий.

Однако большевики, в отличие от эсеров и меньшевиков, действовали активнее, решительнее, собраннее. Они подготовили единственную за эти дни листовку. И хотя некоторые выражения в ней были несколько сглажены президиумом Совета, который печатал листовку в своей типографии, в целом она носила большевистский характер и распространялась в основном среди солдат. 29 и 30 августа большевики провели партийные собрания, где обсуждали вопросы работы в связи с текущим моментом. Они явились инициаторами митингов среди населения города для разъяснения происходящих событий. При этом большевики усиленно вели и на митингах, и в Совете линию, отличавшуюся от эсеровской и меньшевистской, критикуя политику Временного правительства. Эсеры и меньшевики, находящиеся в Совете, за эти дни только издали ряд постановлений и сделали попытку собрать состав старой думы, т.к. новая должна была начать работу лишь в сентябре, для принятия декларации к населению по текущему моменту. Но, кроме представителей социалистических партий, пришел только один «стародумец» и собрание не состоялось [2. Ф. 60. Оп. 1. Д. 56. Л. 20–22].

В Гусь-Хрустальном Совет, состоящий исключительно из эсеров, после получения известия о мятеже Корнилова вместо того, чтобы предпринять какие-либо шаги, снял с себя полномочия. В созданный революционный комитет вошли уже только большевики, которые и занимались всей работой: созданием Красной гвардии, изъятием оружия у населения и т.д. [Там же. Л. 158].

Аналогичная ситуация складывалась и в большинстве других городов Центрального промышленного района. Так эсеры со своей слабой активностью проигрывали большевикам в эти решающие для дальнейшего развития революционных событий дни, сдавая свои позиции.

Таким образом, дни корниловского мятежа явились переломным моментом в развитии революции в России. У эсеров, имевших и в августе 1917 г. значительный авторитет и влияние среди различных слоев населения, была реальная возможность, возглавив борьбу с мятежом, укрепить

свои позиции, но они этот шанс упустили. Московское областное бюро РСДРП(б) отмечало в своем докладе 4 октября 1917 г., что после корниловского мятежа «сочувствие масс ясно выражается» в сторону их партии, отмечая «сдвиг масс» в сторону большевиков в Советах рабочих и солдатских депутатов [5. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1. Л. 2]. Такой же вывод делали и все губернские большевистские организации Центрального промышленного района.

Уже с дней т.н. Корниловского мятежа социалисты-революционеры начинают терять влияние, в первую очередь среди солдат, особенно тыловых гарнизонов, и части рабочих. Это падение происходило также на фоне общей усталости всего населения, начавшегося падения авторитета Временного правительства. Большевики из Смоленской губернии, например, писали в Московское областное бюро РСДРП(б), характеризуя обстановку: «Обыватель к Временному правительству довольно холоден – изголодался, разуверился в скором окончании войны, измучен очередями» [2. Ф. 60. Оп. 1. Д. 56. Л. 21]. Начинается большевизация Советов рабочих и солдатских депутатов, где эсеры и меньшевики до этого в большинстве случаев имели значительное преимущество.

Библиографический список

1. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917 г.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
3. Рязанская жизнь. 1917 г.
4. Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО).
5. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО).
6. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО).

Ю.А. Никифоров

Планировал ли накануне войны СССР нанести упреждающий удар по Германии? (Оперативно-стратегические планы Советского Союза накануне Великой Отечественной войны)¹

В статье дан историографический обзор проблемы подготовки СССР к вероятной войне с Германией в 1941 г. Автор сосредоточивает внимание на оценке характера германского нападения 22 июня 1941 г., которое ни в коем случае не может быть признано превентивным. Что касается подготовки Советского Союза к отражению агрессии, то анализ современной историографии показывает несостоятельность попыток обвинить советское руководство в подготовке упреждающего удара по немецким войскам.

Ключевые слова: СССР и Германия, 22 июня 1941 г., превентивный удар, «Соображения по плану стратегического развертывания Красной Армии», И.В. Сталин.

В подготовке страны и вооруженных сил к отражению возможной агрессии важную роль играло оперативно-стратегическое планирование, предусматривавшее определение порядка развертывания вооруженных сил, создание группировок войск для ведения военных действий и замыслы первых стратегических операций.

В зависимости от складывающейся международной обстановки, а также изменений сил и средств, форм и способов ведения вооруженной борьбы содержание разрабатываемых планов постоянно уточнялось. В предвоенные годы и накануне войны в СССР сложилась система разработки оперативно-стратегических планов ведения войны, которая представляла собой комплекс различных документов, делившихся на две взаимосвязанные части – оперативную и мобилизационную.

Основу оперативной части составляли план стратегического развертывания вооруженных сил, план прикрытия мобилизации и сосредоточения войск и планы первых фронтовых операций. Основу мобилизационной части составляли план (схема) мобилизационного развертывания

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект НК 70 П.

вооруженных сил (мобилизационный план) и план мобилизации промышленности.

Перед началом Второй мировой войны последний оперативный план был утвержден правительством (ЦК и СНК) в ноябре 1938 г. К разработке нового плана Генштаб под руководством Б.М. Шапошникова приступил в июле 1940 г., однако последовавшие события в Прибалтике и Бессарабии потребовали внесения корректив. В августе документ за подписью С.К. Тимошенко и Б.М. Шапошникова был готов, однако правительством в него были внесены изменения, касающиеся предполагавшегося направления главных ударов противника и соответственно направлений операций РККА. Эти изменения вносились и дорабатывались уже под руководством нового Начальника Генштаба К.А. Мерецкова. Документ был представлен в правительство и после обсуждения и доработки утвержден 14 октября 1940 г.

В 1941 г. под руководством нового Начальника Генштаба Г.К. Жукова работа по уточнению документов оперативного планирования продолжалась. Следует отметить, что известные историкам документы, подготовленные в Генштабе весной 1941 г. – прежде всего два варианта «Соображений по плану стратегического развертывания» – представляют собой черновики, испещренные многочисленными исправлениями, на которых отсутствуют подписи должностных лиц. Тем не менее они позволяют реконструировать представления советского военного руководства о характере действий Красной Армии в будущей войне.

Анализ этих документов подтверждает зафиксированный в мемуарах советских военачальников факт, что советское военное руководство исходило из ошибочных представлений о начальном периоде войны. «При переработке оперативных планов весной 1941 года, – свидетельствовал Г.К. Жуков, – практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений» [9, с. 230–240]. О том же говорил и А.М. Василевский: хотя руководство Генштаба и исходило «при разработке плана... из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они просто начинаются уже изготовившимся к боевым действиям противником...», тем не менее, «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15-20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны...» [3; 8].

Какие подтверждения этому можно найти в рассекреченных документах?

В «Соображениях...» от 18 сентября 1940 г. после постановки задачи войскам Западного фронта «ударом... нанести решительное поражение германским армиям, сосредотачивающимся на территории Восточной Пруссии» указывалось: «В течение 20 дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление армии активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию» [18, кн. 1, с. 247]. Таким образом, «нанесение удара» (здесь и далее курсив наш. – Ю.Н.) планировалось на 20-й день от начала сосредоточения, прикрывать которое следовало «активной обороной». Использование авторами выражения «активная оборона» свидетельствует, что в их представлении в период сосредоточения главных сил боевые действия будут уже вестись.

Разработанным в штабе КОВО планом развертывания войск округа на 1940 г. предусматривалось, что войска будут готовы к переходу в наступление на тридцатый день мобилизации (см. п. III), причем сосредоточение и развертывание должно было проводиться после начала войны (п. V). В ходе первого – оборонительного – этапа предполагалось «уничтожение живой силы наступающего противника» (п. V.1) и нанесение авиацией «мощных ударов» по железнодорожным узлам с целью «нарушить и задержать сосредоточение немецких войск» (п. V.6) [18, кн. 1, с. 492–493].

Несомненный интерес представляют документы, подготовленные Генштабом непосредственно перед войной – в мае-июне 1941 г. Ознакомившись с директивами Генштаба командованию западных приграничных округов, а также планами прикрытия, разработанными в округах непосредственно перед нападением Германии, можно с уверенностью говорить, что устаревшие представления о начальном периоде войны сохранились у командования РККА до 22 июня 1941 г.

Например, задачи обороны в директивах, отданных Генштабом в мае 1941 г. в КОВО и ЗапОВО, определяются следующим образом: «Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа. <...> Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами... нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника» [18, кн. 2, с. 227; 16, с. 117]. Ниже определялось количество боеприпасов, которое разрешалось израсходовать до пятнадцатого дня мобилизации [16, с. 120]. Таким образом, составители директив исходили из того, что военные действия начнутся до окончательного от мобилизации и сосредоточения главных сил Красной Армии, и, что не менее

существенно, немецкие войска также будут заканчивать сосредоточение и развертывание уже после начала боевых действий.

На основе этой директивы в штабе КОВО был разработан окружной план, в котором командование округа повторяло основные положения директивы Генштаба: «разрушением ж/д мостов и узлов Ченстохов, Катовице, Краков, Кельце, а также действиями по группировкам противника нарушить и задержать сосредоточение и развертывание его войск» [13, с. 8].

В «Записке по плану действий войск в прикрытии» авиации ставилась такая же задача: «...нарушить и задержать сосредоточение войск противника» [14, с. 11].

Что касается командования ПриОВО, то, говоря о задачах разведки, составители плана в этом округе указывали: «Цель разведки – с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление» [12, с. 13]. Яснее не скажешь – война начнется как-то иначе, но не решительным наступлением главных сил противника, считали в штабе ПриОВО (следует подчеркнуть, что командование *всех* без исключения округов в планах прикрытия ставило перед своими войсками оборонительные задачи на всем протяжении границы, а, значит, никаких оснований для истолкования приведенных отрывков как свидетельств того, что СССР собирался первым открыть военные действия, нет).

Таким образом, советское военное руководство исходило из такого представления о начальном периоде войны, в соответствии с которым начало войны и вступление в сражение главных сил противоборствующих сторон хронологически не совпадают. Военные действия в этот период должны были вестись ограниченными силами с целью помешать развертыванию основных сил противника.

В то же время, «Соображения...» от 15 мая 1941 г. [7, с. 40–45; 8, с. 303–309; 18, кн. 2, с. 215–220] позволяют предположить, что руководство Генштаба в лице Г.К. Жукова и А.М. Василевского осознавало и было обеспокоено тем, что Германия имела очевидное преимущество в сроках сосредоточения и развертывания на границах СССР армии вторжения относительно противостоящих ей сил Красной Армии. «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, – указывалось в документе, – она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент,

когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». После же перечисления задач, поставленных перед войсками фронтов, предлагалось осуществление необходимых подготовительных мероприятий по отмотбилизации и сосредоточению войск [18, кн. 2, с. 216].

К сожалению, многими историками этот документ без серьезного обоснования был истолкован как план упреждающего удара, предложение нанести который якобы было сделано руководством Генерального штаба Красной Армии И.В. Сталину в мае 1941 г. При этом упреждающий удар понимался как предложение проявить инициативу в развязывании военных действий [1, с. 16].

Однако выражения «предупредить в развертывании», нанести «внезапный удар» не обязательно в данном контексте должны означать «осуществить нападение». Если планировалось, что на развертывание войск и той, и другой стороне потребуется какое-то время уже после начала войны (иными словами, «нанесение удара» и открытие военных действий хронологически не совпадают), то выражение документа «упредить в развертывании» должно пониматься как отражение стремления осуществить его в более короткий срок, чем это сделает противник (сократив тем самым пресловутый «начальный период»), и, естественно, нанести удар первым. Ничего более. Истолкование данного документа как предложения открыть военные действия, развязать войну является неоправданным расширением тезиса и без дополнительной аргументации неприемлемо.

Утвердившееся в литературе мнение о том, что советским военным и политическим руководством весной 1941 г. рассматривался такой вариант начала войны с Германией, при котором инициатором начала военных действий выступил бы СССР, лишено достаточных оснований. Во всяком случае, сторонникам этой версии следовало бы поискать дополнительные документальные подтверждения в свою пользу, поскольку соответствующую интерпретацию известных документов планирования нельзя не признать произвольной.

Составители майских «Соображений...», учитывая возможность начала войны летом 1941 г., предлагали Сталину заблаговременно осуществить необходимые мероприятия, которые позволили бы войскам Красной Армии непосредственно после начала войны нанести противнику «внезапный удар», упредив его в развертывании основных сил. Предполагалось, что столкновение с Германией может произойти только по инициативе последней, и, не будучи уверенным в том, что война все-таки начнется, руководство Генштаба планировало продолжать оборонительные мероприятия в том случае, если напряженность

между двумя странами разрешится как-нибудь иначе. В этой связи уместно сослаться на работы О.В. Вишлева, где содержатся убедительные доводы в пользу того, что советское руководство рассчитывало на то, что началу военных действий будет предшествовать выяснение отношений на дипломатическом уровне, в крайнем случае – какая-либо провокация со стороны Германии [4; 5; 6]. Кроме того, советской разведке не удалось своевременно вскрыть замысел противника; докладываемые Сталину разведсводки и спецсообщения содержали противоречивые сведения о планах Германии и сроках ее вероятного нападения на СССР.

В любом случае, советские генералы допускали ошибку, считая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадет хронологически с началом военных действий. Напомним известное признание Г.К. Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов» [10, т. 2, с. 29–30].

Непосредственный свидетель и участник событий тех лет, причем весьма информированный, П.А. Судоплатов успел откликнуться на развернувшуюся в начале 1990-х гг. дискуссию по поводу советских предвоенных планов. «Должен сказать, однако, со всей ответственностью, – заявил он, – что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали предупредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий» [17, с. 216].

Представляется все же, что советскому руководству не удалось найти адекватный ответ на проблему, связанную с осознанием неравности стартовых условий двух стран при осуществлении отмобилизования войск и их развертывания, из чего вытекала необходимость признания заведомой «проигрышности» для советской стороны начального этапа войны в ситуации, когда превентивное нападение по политическим соображениям было исключено. В мае 1941 г. после полета заместителя А. Гитлера по нацистской партии Р. Гесса в Великобританию ситуация требовала немедленных действий по форсированию соответствующих меропр-

ятий, пусть даже ценой несоблюдения маскировки – именно это имел в виду А.М. Василевский, когда говорил о необходимости «твердо сделать шаг вперед» к «рубикону войны», на что Сталин вовремя не решился [2, с. 68].

Выступить инициатором начала военных действий в тот момент, когда назревал, как опасались в Москве, англо-германский компромисс, означало бы для СССР не только отказаться от выгод, которые давал ему статус нейтрального государства и навязать себе войну с очень сильным и опасным противником, но и стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств.

Кроме того, политическое руководство и командование РККА не могло не понимать, что страна и вооруженные силы еще не были готовы к войне. Экономика не была переведена на военное положение. Производство новых образцов танков, самолетов и других видов вооружения только началось. Красная Армия находилась в стадии коренной реорганизации. В этих условиях Советскому Союзу было крайне необходимо оттянуть начало войны хотя бы на 1–2 года.

Когда советское политическое руководство и командование РККА осознало, что войны с Германией в ближайшее время не избежать, наши вооруженные силы явно запаздывали с созданием исходной группировки войск, предусмотренной предвоенными планами. Сосредоточение и развертывание войск Красной Армии осуществлялось как реакция на становившуюся все более явной угрозой германского нападения и поэтому не могло не запаздывать по сравнению с аналогичными мероприятиями врага. Поэтому, вероятно, Сталину в последние мирные дни не оставалось ничего иного, как продолжать прежнюю линию: «во что бы то ни стало выиграть время», «еще неделю, еще 15–20 дней...», «не поддаваться на провокации...», избегать действий, которые могли ускорить выступление Германии. Все помыслы и действия Сталина в это время, писал Г.К. Жуков, «были пронизаны одним желанием – избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся» [10, т. 1, с. 324].

Изложенные в «Соображениях...» планы первых операций РККА носят наступательный характер, что дало ряду историков, в первую очередь последователям В. Суворова-Резуна, дополнительный повод для обвинения СССР в подготовке нападения на Германию. Однако прямой связи между характером действий вооруженных сил и политическими целями войны нет. Наступление и нападение – разные вещи. Как

представляется, Генеральный штаб и Наркомат обороны, будучи, в сущности, всего лишь инструментом в руках политиков, при планировании операций вообще могли не рассматривать вопрос о том, кто именно будет инициатором военных действий – СССР или Германия. Войска должны были быть готовы разгромить противостоящего им противника в любом случае. Советское командование не планировало отступления вглубь страны в духе 1812 г., рассчитывая с первых дней войны начать борьбу за стратегическую инициативу. Только такой вариант позволял надеяться на успешный исход столкновения со столь мощным противником, каким являлась гитлеровская Германия. И в этом не было ничего исключительного – как убедительно показал А.В. Исаев, все планы крупных держав, участниц как Первой, так и Второй мировой войн, были наступательными [11, с. 11–20]. Даже Финляндия и Польша планировали «наступательную войну». Тем не менее никому не приходило и не приходит в голову обвинять Францию или Польшу в подготовке нападения на Германию только потому, что военные этих стран в случае войны планировали действовать «наступательным образом».

Так что «наступательный характер» советской военной доктрины и документов планирования (на обоснование какого некоторыми историками потрачено немало усилий) никак не может свидетельствовать в пользу того, что советским руководством было принято решение о нападении на Германию летом 1941 г., или же служить аргументом в пользу некой особой «агрессивности» сталинского СССР.

Не подлежит сомнению, что агрессия Германии против СССР являлась реализацией программной установки Гитлера на завоевание «жизненного пространства» на Востоке Европы и уничтожение Советского Союза как национально-государственного образования и социальной системы.

Что касается Советского Союза, то рассекреченные в 1990-е гг. документы военно-стратегического планирования не дают оснований для утверждений о подготовке им нападения на Германию. Более того, нет достаточных оснований и для утверждений о подготовке Генеральным штабом Красной Армии упреждающего удара по сосредотачивающимся у границы немецким войскам.

Конечно, советское руководство готовилось к войне: долгосрочные стратегические планы Гитлера, мероприятия германской армии по подготовке к вторжению с определенного момента не являлись для советского руководства тайной, и не реагировать на них было преступным легкомыслием. Однако СССР не намеревался нападать на Германию. Мир с ней был для него во всех отношениях более выгодным, чем столкновение с непредсказуемыми последствиями. Весной – в начале лета 1941 г.

правительство СССР сделало максимум возможного, чтобы удержать Германию от военного выступления, и начало развертывание Красной Армии лишь после того, как обстановка стала критической. Но и выдвигая войска к границе, оно продолжало искать пути преодоления кризиса мирными средствами.

Предположения о том, что СССР мог напасть на Германию в 1942 г. или позднее, – спекуляции, не имеющие документального подтверждения. Планы стратегического развертывания на этот период Генеральным штабом Красной Армии разработаны не были, никаких программных заявлений по этому поводу руководство СССР не делало. Да, в 1942 г. СССР чувствовал бы себя более сильным в военном отношении, чем в 1940 или 1941 г. Но это еще отнюдь не означает, что Сталин непременно напал бы на Германию. Мощь Красной Армии могла просто стать тем фактором, который исключил бы возможность военного выступления Германии против Советского Союза.

Библиографический список

1. Бобылев П.Н. К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5.
2. Василевский А.М. В те суровые годы // Военно-исторический журнал. 1978. № 2.
3. Василевский А.М. Накануне 22 июня 1941 года (неопубликованное интервью маршала Советского Союза А.М. Василевского от 20 авг. 1965 г.) // Новая и новейшая история. 1994. № 6.
4. Вишлев О.В. «...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем» // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995.
5. Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.
6. Вишлев О.В. Почему медлил Сталин в 1941 г.? (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 86–100; № 2. С. 70–96.
7. Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 43–44.
8. Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.
9. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М., 1974.
10. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1.
11. Исаев А.В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004.
12. Конец глобальной лжи. Публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Военно-исторический журнал. 1996. № 2.
13. Конец глобальной лжи: когда Киев еще не бомбили. Публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Военно-исторический журнал. 1996. № 4.
14. Конец глобальной лжи: на Западном направлении. Публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Военно-исторический журнал. 1996. № 3.
15. Новая и новейшая история. 1993. № 3.
16. Новая и новейшая история. 1997. № 5.

17. Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001.
18. 1941 год: В 2-х кн. / Сост. Л.Е. Решин и др. М., 1998.

Т.В. Антонова

Программа «Политической новизны» великого князя Константина Николаевича Романова

В статье рассматривается политическая программа великого князя Константина Николаевича Романова, моделируемая по отдельным эпизодам его участия в государственных делах. Автор выделяет стержневые аспекты программы, ее идеологию и мотивацию. Фактография статьи дополняет портрет либеральной бюрократии России эпохи великих реформ, ее противостояние с «правым» лагерем в окружении императора Александра II.

Ключевые слова: либеральная бюрократия, самодержавие императора Александра II, великий князь Константин Николаевич, либеральные реформы, совещательное представительство, децентрализация управления, «конституционные проекты», земство, общественная самодеятельность.

С приходом к власти императора Александра II (февраль 1855 г.) для российской либеральной бюрократии вновь (после первой четверти XIX в.) открывается возможность «выхода из тени» для содействия преобразованиям страны в духе идеологии Европейского Просвещения. В эту пору новой «политической оттепели» одним из ее представителей был родной брат императора, великий князь Константин Николаевич (1831–1892). С 1857 г. он являлся членом Секретного (затем Главного) комитета по крестьянскому делу, а с 1860 г. – его Председательствующим, членом Финансового и Сибирского комитетов, с 1861 по 1864 гг. – наместником в Царстве Польском, Председателем Государственного Совета (1865–1881). Принадлежность к династии, высокий

государственный статус и внутренняя мотивация великого князя стали тем ресурсом, который обеспечил его заметное влияние на государственные дела. Та роль, которую великий князь сыграл в эпоху великих реформ 1860-х гг., питает неиссякаемый интерес исследователей к его личности. Ее осмысление позволяло исследователям говорить о феномене либеральной бюрократии в самодержавном государстве [10; 13; 15; 20; 25; 30]. Один из аспектов этой проблемы – инициированная великим князем программа государственных преобразований, ее социально-политический диапазон и итоги.

Первым серьезным делом К.Н. Романова стала подготовка проекта «Морских уставов». Она продолжалась 10 лет (1850–1860). Его помощником был назначен чиновник особых поручений Министерства внутренних дел коллежский секретарь А.В. Головнин, сын выдающегося мореплавателя В.М. Головнина. С этого момента началась их многолетняя крепкая дружба. Старший по возрасту и более опытный в канцелярских делах Головнин оказался не только верным соратником, но иногда и «вдохновителем» многих реформаторских инициатив. Современники считали, что Головнин сделался при Его Высочестве «чем-то вроде первого министра» [23] и без него «великий князь, Генерал-Адмирал, не был бы тем, что он есть, не играл бы своей роли» [5]. В морской реформе эта роль Константина Николаевича проявилась в способности определить стратегию, руководствуясь не узко бюрократическими интересами, а реальными потребностями страны, достижениями науки мореплавания и мнением «морского мира».

Наведение порядка в Морском министерстве он начал с отказа от канцелярской парадности и бумажной отчетности, которые прятали истинное положение дел. «Взгляните на годовые отчеты, – назидал великий князь чиновников своего ведомства, – везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде все водворяется если не вдруг, то, по крайней мере, поспешно... Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумаги – то, что есть, от того, что кажется, правду от неправды, и редко где окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль» [22]. Он требовал не рапорта об успехах, а доклада о беспорядках. «Требую откровенного изложения тех несовершенств и беспорядков, которые следует устранить... Нужно, чтоб факты, а не фразы хвалили нас», – предписывал великий князь одному из своих подчиненных, Б.А. Глазенапу, в декабре 1854 г. [28]. В конце концов Морское министерство настолько очистилось от прежней рутины, что современники стали называть его «Министерством прогресса». Такая репутация обеспечила приток талантливых сотрудников, которые, по свидетельству А.Ф. Кони,

«в конце 50-х годов нашли приют для своей трудоспособности и арену для деятельности в морском министерстве, где под влиянием великого князя Константина Николаевича веяло новым и благотворным духом» [17]. Позитивный общественный резонанс о деятельности Морского министерства был связан и с изданием под патронажем великого князя журнала «Морской сборник» [12]. Освобожденный как ведомственное издание от общей цензуры, журнал стал ареной обсуждения в либеральном духе вопросов текущей политики и темы реформ; на его страницах публиковались произведения прогрессивных писателей (Д.В. Григоровича, М.Л. Михайлова, Н.Г. Чернышевского и др.). Спустя четверть века общественная пресса отметила личную заслугу Его Высочества, создавшего прецедент гласного обсуждения политических вопросов: «Первые попытки русской общественной мысли высказываться в печати с некоторым простором о действительных нуждах общества, об интересах живых, проявились именно в «Морском сборнике»... Таким образом, и расширение прав русской печати фактически началось под покровительством великого князя Константина Николаевича» [26].

В ломке старого великий князь опирался на офицерский корпус флотов, считая полезной «децентрализацию» системы его управления. Поэтому и проект Морского Устава разрабатывался по новому сценарию, гласно и публично. Первоначальный его вариант рассылался «по всему морскому миру», офицерам Балтийского и Черноморского флотов, и переделывался по их отзывам и замечаниям. В его принципах был учтен законодательный опыт морских стран Европы. Головнин свидетельствовал, что великий князь «приказывал составить подробные обозрения всех прежних узаконений» для сравнения с «постановлениями иностранными» [6].

Помимо правовых аспектов морской реформы, усилия Константина Николаевича были направлены на техническое переоснащение отечественного флота. Для этой цели им тщательно изучались «образчики» европейского кораблестроения. Во время своего пребывания во Франции в апреле 1857 г. он с пристрастием осматривал Адмиралтейство, поражаясь «колоссальности» размеров фрегата «L'Imperatrice Eugenie» с двигателем в 800 сил для обеспечения хода в 12 узлов, заводом «с огромными станками, который составлял огромную экономию рук и работы». В чертежной его внимание привлекли «детальные планы» новых кораблей. Из этих посещений он старался извлечь «во всех подробностях» все, что только может быть полезно дома, «все, что пойдет нам впрок».

Вскоре после подписания Парижского трактата (1856) и по мере накопления в стране финансовых ресурсов началась модернизация российского флота. Стартовой площадкой новых военных кораблей-броненосцев,

оснащенных паровым двигателем, стали гавани Балтики: Петербург, Кронштадт, Стрельна, Охта. В конце 1858 г. великий князь с гордостью докладывал императору о фрегате «Светлана», которым любой флот мог бы гордиться: «Он будет носить сплошную 60-фунтовую артиллерию и ходит по 12 узлов». С азартной увлеченностью вел он будничные дела большого корабельного хозяйства, успевая в течение дня побывать на пороховом и пильном заводах, в адмиралтейских мастерских, в доках, посмотреть на переоборудование старых шлюпочных сараев, поговорить о купленных за границей «винтах и машинах» и проконтролировать, как идет их установка на стоящих под кранами судах. «В 8 утра отправился в Кронштадт», – записал Константин Николаевич в дневнике 22 марта 1860 г. – «Приехавши, отправился прямо на Пороховой завод. Котлы «Гремящего» шибко подвигаются вперед. В кузнице видел сварку второй пушки, а в токарной – сверление первой. Обошел все мастерские завода, везде большая деятельность» [3; 11].

Таким ритмом достигалось многое, но не все из задуманного в морской реформе ему удалось осуществить. Ощутимым поражением стала кадровая политика. Великому князю «не хватило поддержки» для изменения порядка выдвижения на должность по личным качествам, «не стеснясь чинами». Головнин объяснял этот неуспех тем, что противники его идеи «видели в уничтожении чинов меру демократическую, которая стремилась к введению между людьми равенства» [4].

В деятельности Константина Николаевича проявилось и другое качество, редкое для высокопоставленных сановников империи: он высоко ценил значение науки как опоры государственной политики. Не будучи ученым, он помогал организации творческих сил страны благодаря своему председательству в научных обществах – географическом, археологическом, техническом и др. Первым поприщем его служения науке стало Русское географическое общество. 6 августа 1845 г. император Николай I утвердил ходатайство учредителей общества, известных ученых, путешественников и мореплавателей (К. Бэра, Ф. Врангеля, К. Арсеньева, Ф. Литке, В. Даля, В. Струве, П. Кеппена и др.) «с отпуском в пользу общества 10 тыс. руб. серебром из государственного казначейства». Тем же указом император согласился на избрание Константина Николаевича его председателем. Так, еще до присяги, до совершеннолетия, перед ним открылась перспектива тесных контактов с научной общественностью России. По мере включения великого князя в большую политику он умел использовать свое положение для выгод науки. На средства Русского географического общества и Морского министерства печатались труды по этнографии, географии, статистике, снаряжались экспедиции

за Урал, в Заполярье, Среднюю Азию, Сибирь. По инициативе великого князя в 1856 г. была отправлена литературная экспедиция для исследования жизни русской деревни. Ее участники – приглашенные им известные русские писатели С.В. Максимов, Д.В. Григорович и др. [12]. В 1859–1861 гг. при Отделении статистики работал Политико-экономический комитет [29]. Он стал своеобразным общественным форумом, соединившим представителей высшей администрации (министров, управляющих департаментами министерств, членов Государственного совета), науки, литературы и промышленности. На его публичных собраниях, которые Константин Николаевич посещал не парадно – участвовал в дискуссиях, обсуждались острые злободневные вопросы налогов, землеобеспечения крестьян в России, колонизации. Они совпали по времени с самым острым периодом в разработке нового крестьянского законодательства. Это совпадение указывает на то значение, которое великий князь придавал научной полемике для правильного решения трудных вопросов русской политики. С его точки зрения, наука должна была определять вектор государственной политики, помогая правительству прогнозировать ее результаты, предупреждая ошибки. Эту мысль он выразил в 1872 г., выступая на 8-й сессии Международного статистического конгресса в Петербурге: «Статистика является неизбежной помощницей всякого органа общественно-государственной жизни. Слова эти исходят не из теоретического убеждения, а из личного опыта, приобретенного в качестве Председателя Государственного Совета» [21].

Со второй половины 1850-х гг. центральным вопросом внутренней политики стала подготовка отмены крепостного права. Активной поддержкой идеи освобождения крестьян великий князь обеспечил себе репутацию главы «либеральной партии», «партии красных», в окружении императора. Сразу же вступил он в противоборство с Председателем Секретного комитета кн. А.Ф. Орловым, пытавшимся завести реформу в тупик и даже упразднить Комитет. Константин Николаевич отстаивал мысль об освобождении крестьян с передачей им земли в собственность, но с сохранением общинного начала там, где этому способствовали местные условия. В тот момент такая позиция опережала готовность императора согласиться на освобождение крестьян с землей и тем самым вызвала ненависть крепостников.

Влияние великого князя на ход крестьянской реформы значительно усилилось после назначения его Председателем Главного крестьянского комитета. Но этому событию предшествовала описанная А.В. Головинным ситуация психологического надлома. В течение лета 1860 г., рассказывал Головин, он каждую неделю сообщал великому князю све-

дения, собираемые им в поездке по внутренним губерниям, куда отправился с согласия Его Высочества для изучения мнения о предстоящей реформе широкого круга лиц – губернаторов, предводителей дворянства, помещиков и крепостных крестьян. Главный результат наблюдений Головнина сводился к мысли о необходимости ускоренного завершения начатого дела, о невозможности откладывать его еще на несколько лет. По возвращении Головнин нашел великого князя в Павловске в «странном расположении духа», которое крайне огорчило его и в котором он увидел влияние людей, «не любящих Россию». В разговоре с Головниным Константин Николаевич заявил, что не хочет заниматься этим делом, которое требует специальных сведений; признает себя только моряком, а занятия крестьянским вопросом его отвлекут от флота; что он желает отправиться на «нашу эскадру», находившуюся тогда у берегов Сирии. Он даже намеревался просить Государя уволить его от участия в Главном комитете. Головнин «с ужасом и горестью» воспринял попытку демарша великого князя. Он полагал, что тому виною доктор Гауровиц и супруга Константина Николаевича, великая княгиня Александра Иосифовна, желавшие отплыть в свите великого князя за границу, подчиняясь своим личным целям и эгоистичным расчетам, тогда как крестьянская реформа мало тревожила их ум. Супруга великого князя, «находясь под влиянием людей крайне ограниченных, из так называемых консерваторов, желала удалить великого князя от так называемых красных, которые составляли крестьянское положение, и, отстранив его от всякого участия в крестьянском деле, не поссорить окончательно с русским дворянством, которое враждебно смотрело на все это», – констатировал Головнин. Сам же великий князь, по свидетельству биографа, соглашался с их доводами из-за «природной скромности» [4].

В конце концов душевные колебания и скепсис великого князя были преодолены. С 10 октября 1861 г. начались почти ежедневные заседания Главного комитета, куда уже поступил разработанный Редакционными комиссиями Заключительный проект крестьянской реформы. Они продолжались до января 1861 г. и проходили в жарких спорах, взаимных колкостях между сторонниками и противниками улучшения быта крестьян. Нередко присутствовавший на заседаниях Комитета Государь не выходил, по выражению Головнина, «из системы молчания», допуская полную свободу прений. Тем веселее было слово великого князя в поддержку мысли о мировых съездах, чтобы оградить интересы крестьянства против «преобладающего влияния дворянства, их корыстолюбия», его умение сдерживать полемический задор генерала М.Н. Муравьева и князя В.А. Долгорукова, стремившихся убедить царя в необходимости

уменьшить земельные наделы крестьян и увеличить их повинности. Уже к ноябрю 1860 г. он вполне овладел искусством сдерживания своих оппонентов и «не допускал споров пустых», затягивающих дело. Поэтому работа комитета под председательством Его Высочества была завершена менее чем за полгода. 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест об освобождении крестьян.

Однако противники этой великой исторической развязки свое затаенное недовольство ею материализовали в «ненависти, клевете и злобе» по отношению к брату царя. Головнин считал, что результатом интриг «ретроградной партии» стало последовавшее вскоре «удаление» великого князя из Петербурга «через назначение Его наместником Царства Польского» (1861). По ощущениям самого великого князя, его придворные недоброжелатели никогда не могли забыть и простить ему его роли в крестьянской реформе и того, что он и в дальнейшем как «цепная собака» оставался на страже принципов 1861 г. [24].

Приверженность либеральному реформаторству побуждала великого князя ответить на самый трудный для брата самодержца вопрос о реорганизации модели государственного управления. Осенью 1866 г., находясь в своем крымском имении Ареанде, Константин Николаевич составил «конституционный проект», главная мысль которого сводилась к следующему. Он обращал внимание императора, которому адресовалась его записка, на «недовольство общества» обстоятельством отчуждения от власти при желании ее поддержать. Сетования «мыслящих и преданных правительству людей» Константин Николаевич свел к следующему: «До Государя правда не доходит; администрация и бюрократия нами завладели; чиновничество стоит неодолимою стеною между Государем и Его Россиею; Государь окружен опричниками...». Укорененная традиция игнорирования самодержавной властью «сетований общества» представлялась великому князю явлением «неблагоразумным», «ненормальным». Поэтому он считал необходимым предпринять меры для удовлетворения «разумных и справедливых желаний общества», опираясь на институт земства и уже существовавший порядок выборности гласных. Великий князь предлагал «придать этим началам значение более общее» для созыва при Государственном Совете совещательного собрания экспертов. Нужды и потребности населения, пояснял он, «могут быть с полным успехом заявляемы Правительству только людьми, избранными населением для этой именно цели. Согласно сему основному началу, мною предполагается, чтобы совещательное собрание состояло из лиц, избранных не Правительством, а самими общественными учреждениями», губернскими земскими собраниями и городскими думами больших

городов. Собранию этому, по убеждению великого князя, следовало бы поручить «предварительное рассмотрение законодательных предположений, требующих ближайшего соображения с местными потребностями, а также предварительное обсуждение ходатайств земских и дворянских собраний и городских дум» [18]. Та же идея совещательного представительства была сформулирована еще в 1863 г. министром внутренних дел П.А. Валуевым, и его проект являлся для великого князя в некотором роде первоисточником [16]. Однако, как и проект Валуева, записка великого князя не вызвала интереса императора. Исконное отношение Александра II к самой идее представительства было резко отрицательным. Так, в 1865 г. на предложение московских дворян предоставить дворянским собраниям законодательные полномочия он ответил распоряжением закрыть Московское губернское дворянское собрание. В специальном рескрипте Валуеву император заявил: «Право вчинания по главным частям постепенного совершенствования государственного устройства принадлежит исключительно мне и неразрывно сопряжено с Самодержавною властью, Богом мне вверенной... никто не призван принимать на себя, предо Мною, ходатайство об общих пользах и нуждах Государства» [2]. На том же основании отвергал он претензии земских деятелей созвать Собор и, чтобы не допустить популярности их требований, в декабре 1866 г. подписал Высочайший указ, ограничивающий земскую гласность и запрещающий публикацию стенограмм заседания земских собраний.

Тем не менее Константин Николаевич все же вернулся к своей «конституционной» идее через 13 лет, в январе 1880 г. Тогда он рассчитывал соединить свои усилия с либерально настроенным гр. М.Т. Лорис-Меликовым, которого царь призвал возглавить Верховную чрезвычайную комиссию (февраль 1880 г.) для борьбы с крамолой. Программа и принципы Лорис-Меликова, его попытки вернуть власть на путь реформ начала 1860-х гг. глубоко импонировали великому князю. Как сторонник данного курса, он ожидал стремлений Лорис-Меликова к личной договоренности между ними о совместных действиях в этом направлении. Но тот этого шага не сделал. «Своя своих не познаша», – сокрушался позднее великий князь [24]. Как личную и великую историческую драму встретил он гибель Александра II 1 марта 1881 г., которая обрекла на «канцелярский конец» все реформаторские начинания Лорис-Меликова, включая и созыв в комиссию с совещательными правами избранных от общества депутатов [1].

В дальнейшем, оказавшись при Александре III отставленным со всех государственных постов, Константин Николаевич был убежден, что «дело далеко не потеряно», и верил в то, что главная задача государс-

твенной политики по-прежнему состояла в опоре на общественные силы: «Надобно было обратиться к России, чтобы она сама собою правила», т.к. «невозможно более править ни армией солдат, ни армией чиновников», что приведет Россию к «погибели». «Если б нас призвали, – мечтал он в 1882 г., – то, разумеется, мы бы обратились к самому обществу, к земству, ко всем живым силам, присутщим в России» [24]. Но его не призвали.

13 июля 1881 г. был подписан Высочайший указ об увольнении великого князя со всех постов, «снисходя к просьбе» его. «Моя политическая жизнь этим кончается; но я уношу с собою спокойную совесть своего исполненного долга, хотя с сожалением, что не успел принести всей той пользы, которую надеялся и желал», – так резюмировал великий князь одно из самых горьких событий своей жизни [24]. Пережитая великим князем драма отставки усиливалась тем свойством его натуры, которую верно определил А.Ф. Кони: «Он не был способен к роли равнодушного созерцателя, и его живая восприимчивость, подчас даже переходившая в нервную впечатлительность, заставила его раньше многих понять потребности времени и ближайшие задачи России после Севастопольского погрома» [17].

В парижском «изгнании» он получал корреспонденции из России, в которых ему рисовали «неприличную картину Петербургских деяний». Он соглашался с ее оценкой своими единомышленниками и, прежде всего, А. Головными: «Мы с 1 марта как бы вышли из колеи» – и добавлял: «Вышли из колеи не силою обстоятельств, а потому, что сами этого захотели. Первый выход из колеи совершился в достопамятный день 8 марта в единственном Совете министров, когда вместо того, чтобы идти по колее указаний покойного Государя, мы с нее добровольно сошли. За этим первым выходом из колеи пошли неотвратно один выход за другим. Манифест 11 апреля и увольнение Лориса, Милютин и меня были выходами из колеи. Как и не утверждение единогласного решения Государственного Совета по выкупному делу, как затем назначение Игнатьева, все это суть выходы из колеи, фатально следующие одно за другим. Дурное начало ведет за собою фатально дурное продолжение. Потому стала возможна и Священная дружина, и подпольное влияние Катковых и Победоносцевых, и положение о поднадзорных, вполне понятно преследование прессы, еврейские погромы и многое, что творится перед нашими глазами» [7].

Одним из неблагоприятных дел петербургской власти он считал назначение графа Д.А. Толстого министром внутренних дел, которое встретил такой репликой: «Из огня да в полымя, из царства лжи в царство тьмы, в чистую катковщину!», «Страшнее насмешки над Россией трудно себе

вообразить!». Он вообразал, каким может быть неожиданный визит к нему, парижскому затворнику, Толстого и был готов с ним говорить не о погоде, а о делах, хотя и понимал, что в этом случае «масса желчи с обеих сторон пришла бы тогда в движение». Он бы ему сказал, «какую вредную и бесполезную штуку он сделал», имея в виду Временные правила по делам книгопечатания 1882 г., которыми практически отменялась судебная юрисдикция печати, над которой устанавливался контроль комитета четырех министров. Бесполезную потому, что и «теперешний закон дает ему совершенно достаточную власть давить, уничтожать всякое свободное слово, всякую свободную мысль», вредную, потому что «давление слова и мысли никогда, нигде к добру не приводили, что мы знаем не только по истории, но и по собственному опыту». Его возмущал порядок, которым был принят «этот скверный закон», «мимо» Государственного Совета, потому что Толстой, по его убеждению, «наперед сознавал, что он там встретит такую критику, такую сплошную оппозицию, при которой его проект не смог бы пройти» [8]. В этом виртуальном разговоре с Толстым великий князь, распаяясь, уличал его в попытках «сломать Университетский устав 1863 г.», изменить отношение к земству, которое «он хочет давить». Хватило бы у него претензий и к другим министрам (Сольскому, Шестакову, Грейгу), позволявшим ломать принципы и «предания» эпохи 1861 г. Но Константин Николаевич убеждал себя и своего корреспондента Головнина в том, что вовсе не жаждет этих споров, которые не имели бы результата, кроме ссоры, и были бы ничем иным, как «бросанием гороха об стену». В то же время он не мог освободить своего сознания от мучившей его мысленной полемики: «Хотя и живу в действительном уединении, не могу не принимать горячо к сердцу то, о чем слухи до меня доходят». И эти слухи убеждали его в том, что «у нас само Правительство воспитывает народ для революции и приготавливает, пропагандирует ее почище всяких нигилистов!» [9]. Приведенные реплики относятся к тому периоду, когда великий князь уже не влиял на государственные дела, но они подтверждают присущую его политическому сознанию глубину либеральных убеждений, что в 1860-е годы предопределило вектор его реформаторской программы.

Алгоритм решения вопросов государственной важности великий князь определил понятием «децентрализация». Его позиция в деле освобождения крестьян, проведенная им морская реформа, отношение к правам печати, к местному самоуправлению, «конституционные» инициативы формировались убеждением в необходимости власти отказаться от бюрократической «закваски» и призвать общественные силы в большую политику. Ее высший смысл и цель заключались, по представлению

Константина Николаевича, в балансе интересов власти и общества, что увело бы Россию от перспективы революции. Он полагал, что такое историческое перевоплощение российского самодержавия возможно при удалении от трона «партии» крепостников. Именно их, а не систему власти, он считал главной причиной того, что начавшаяся в 1860-е годы либеральная модернизация в стране была приостановлена. Его политическая программа не предполагала демонтажа самодержавного правления и почти на славянофильский манер рассчитывала на соединение Царя с народом (Россией). Однако эта иллюзорность убеждений великого князя не умаляет значения его дел и намерений, которые намного превышали реформаторский потенциал династии.

Библиографический список

1. Всеподданнейший доклад гр. М.Т. Лорис-Меликова // Вестник права. Кн. 9. М., 1905. С. 284–291.
2. Высочайший рескрипт, данный Министру Внутренних дел // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XL. Отделение первое. 1865. № 41729. СПб., 1867.
3. Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 91–111.
4. Головнин А.В. Материалы для жизнеописания великого князя Константина Николаевича с марта 1860 г. по март 1861 г. // Российская национальная библиотека. Рукописный Отдел. Ф. 208. Д. 22. Л. 19–37 об.
5. Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 2903. Л. 20.
6. ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1120. Л. 149–149 об.
7. ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1119 (2). Л. 201–201 об.
8. ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1120. Л. 134–135.
9. ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1120. Л. 170 об.
10. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. М., 1907.
11. Дневник Великого Князя Константина Николаевича (1858–1861) // 1857–1861. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого князя Константина Николаевича / Сост. Л.Г. Захарова и Л.И. Тютюнник. М., 1994.
12. Днепров Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965.
13. Долбилов М.Д. Бюрократы, реформаторы и дворянство в политической борьбе вокруг отмены крепостного права в России // Нестор. Историко-культурные исследования. Вып. 3. Воронеж, 1995.
14. Захарова Л.Г. Комментарии // Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 221.
15. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984.

16. Записка П.А. Валуева // Великая реформа. Т. 5. М., 1911. С. 230–270.
17. Кони А.Ф. Великий князь Константин Николаевич // Великая реформа. Т. 5. М., 1914. С. 230–270.
18. Конституционные проекты царствования Александра II. Записка Великого Князя Константина Николаевича // Вестник права. Книга 9. СПб., 1905. С. 270–282.
19. Краюхина М.А. Великий Князь Константин Николаевич как покровитель отечественной науки: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
20. Любавский М.К. Великий князь Константин Николаевич // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911.
21. Международный статистический конгресс в Санкт-Петербурге. Восьмая сессия (1872 г.). Доклады и постановления. СПб., 1873.
22. Павлов-Сильванский Н.П. Великий князь Константин Николаевич. Собр. соч. Т.2. СПб., 1910.
23. Половцев А.А. Дневник государственного секретаря. 1883–1886. Т. 1. М., 1966. С. 449.
24. Россия. Век девятнадцатый. Альманах. М., 2000. С. 114, 120, 125.
25. Семевский М.И. Великий князь Константин Николаевич // Русская старина. 1892. № 2.
26. Страна. 1882. № 83.
27. Уралова М.Э. Императорское Русское Географическое Общество во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
28. Центральный Государственный Архив Военно-морского флота (ЦГА ВМФ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 24.
29. Чернуха В.Г. Деятельность Политико-экономического комитета Русского Географического Общества // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 21. Л., 1990.
30. Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

А.А. Орлов**Идея естественного права
в «Трактате об установлении мира
в мире христианском» (1464-й год)**

В статье анализируется проект чешского короля Иржи Подебрада, известный под названием «Трактат об установлении мира в мире христианском» (1464 г.). Проведенное исследование доказывает: этот документ нельзя назвать проектом «вечного мира». Его ценность заключается в том, что, при всей типичности для позднего европейского средневековья, в нем достаточно громко и ясно звучит требование замены устаревшего феодального права новой концепцией «естественного права».

Ключевые слова: проект короля Иржи Подебрада, проекты «вечного мира», феодальное право, «естественное право».

С началом Нового времени, по словам юриста Ю.Я. Баскина, «...идея «вечного» мира становится одной из наиболее популярных. При этом, в отличие от предшествующих веков (что чрезвычайно характерно), она оказывается связанной не с идеей единой мировой монархии, а с защитой *независимости и суверенитета отдельных национальных государств* (курсив автора. – А.О.)» [1, с. 191].

Одним из таких проектов «вечного мира» традиционно считался проект чешского короля Иржи Подебрада, известный под названием «Трактат об установлении мира в мире христианском» (1464 г.). На наш взгляд, этот документ никак нельзя назвать проектом «вечного мира». Все же его ценность заключается в том, что, при всей типичности для средневековья, в нем достаточно громко и ясно звучит требование замены феодального права так называемым «естественным правом». Это позволяет назвать чешский трактат важным идейным явлением эпохи перехода от позднего Средневековья к раннему Новому времени.

Чешский король Иржи (Георгий, Юрий) Подебрад (фактически правил страной с 1450 г., король с 1458 по 1471 гг.) предложил в 1464 г. европейским государям обсудить составленный по его приказу «Трактат...». Имеются сведения о том, что проект был составлен при участии или даже полностью одним из иностранных советников короля – французским дворянином итальянского происхождения А. Марини. Он играл значительную роль в посольствах, направлявшихся Подебрадом к французскому королю Людовику XI (1461–1483), в Венецию и др. государства [2, с. 384–385]. Высоко оценивал роль Марини в составлении проекта немецкий ученый Г. Маркграф [7, с. 257–304].

В случае с этим проектом мы видим правителя, озабоченного тем, что, с одной стороны, Чехия после гуситских войн (1419–1437) попала в международную изоляцию, с другой – ей угрожало турецкое завоевание. Римский папа Пий II (1458–1464) отказался утвердить согласительные статьи (компактаты), принятые на Базельском соборе 1431–1449 гг., по которым католическая церковь после длительной борьбы пошла на определенные уступки гуситам. Папа требовал от короля открытой поддержки католиков. Подебрад – лидер умеренных гуситов (чашников), опиравшийся на мелкое дворянство (земанов), часть городского (чешского) патрициата и крестьянство, исповедующее гусизм, – не мог пойти на это. Ответом папы стали призывы к соседям Чехии – Польше, государству Тевтонского ордена, маркграфу Бранденбургскому и Венгрии – наказать еретика, отняв у него страну [2, с. 382].

Внутренними врагами Подебрада были крупные феодалы (паны, магнаты), как католики, так и гуситы, сумевшие за время гуситских войн захватить значительные земельные владения церкви, духовных феодалов и часть земель королевского домена. При прямой поддержке папы они организовали Зеленогорскую конфедерацию, на помощь которой стали стекаться отряды немецких рыцарей-крестоносцев. Чтобы бороться со своими противниками, Подебрад нуждался в средствах. Предоставить их могли только горожане и крестьяне. Но дело приходилось иметь уже не с прежней безгласной чернью, а с людьми, сплоченными религиозной идеей, получившими воинские навыки и владевшими оружием [6, с. 402]. Они готовы были оказать поддержку королю, однако ждали от него помощи в своей хозяйственной деятельности. Развитие Чехии, бывшей в XIV – начале XV вв. крупнейшим экспортером зерна, а также серебра в монетах (пражские грóши) и слитках (славой одного из важнейших торговых центров в Европе заслуженно пользовалась Прага) [3, с. 390–391], тормозилось из-за международной изоляции.

Возможность объединить страну и прорвать ее внешнюю блокаду король увидел в организации антитурецкого союза христианских государств. Турки в 1453 г. захватили Константинополь. Непосредственная опасность угрожала Албании и Венгрии. В 1462 г. нападению и разграблению подверглись земли Валахии. Турецкое наступление очень чувствительно ударило по Венеции, разбогатевшей на транзитной торговле между Западом и Востоком. Она потеряла часть восточных рынков и взывала о помощи. Все эти страны и народы могли стать потенциальными союзниками Подебрада, и к ним от его имени были направлены посольства [2, с. 383–386]. Он планировал привлечь к союзу Людовика XI «вместе с прочими королями и князьями Галлии», королей и князей Германской империи, князей и городские общины Италии, а также надеялся на присоединение «к этому нашему единению, дружбе и братству» короля Кастилии или других королей и князей «нации гишпанской» (ст. 19).

По отношению к Римскому Папе позиция Подебрада такова: понтифик не может отказаться участвовать в общем христианском деле, «...ибо тот, кто откажется предоставить помощь против турок, будет объявлен явным защитником безбожия и врагом креста Христова». Папа должен не только сам активно участвовать в союзе, но и всеми силами склонять к этому других. Подебрад планировал добиться от него, «как отца и пастыря верующих», одобрения своих планов по сбору средств для создания христианского войска. (Следовало отдать все десятины, уплачиваемые церкви и духовным лицам, а светским правителям собрать специальный налог, равный трехдневным расходам их подданных за год. Причем условия сбора и расходования денег определял общий союз. Подебрад не исключал даже того, что деньги с процентами за пропущенные сроки будут взыскивать с населения с помощью военной силы.) Папа обязан пресечь все войны и раздоры между духовными князьями, не являющимися членами предложенного договора, или послать легатов в каждую страну для урегулирования разногласий. В случае неподчинения правителей он вынесет решение как судья. Он также должен потребовать от князей и городов Италии создания мощного флота для борьбы с турками, личного и материального содействия итальянцам другими христианами, «... чтобы дело защиты веры тем самым достигло заслуживающей похвалы и чаятельной цели» (ст. 13).

Папа не мог согласиться на это, поскольку он попадал в полную зависимость от общего союза, а, скорее всего, от главы союзной армии, на посту которого Подебрад, вероятно, видел себя самого. «Чешская армия могла быть направлена на борьбу против турок. Для этого ее талантливый военный руководитель должен был быть поставлен во главе похода», –

пишет историк В.М. Корецкий [2, с. 383]. Но в Европе еще не забыли т.н. «прекрасные» походы (1427–1433) гуситского войска в соседние земли, вызывавшие у местного населения не меньший ужас, чем турецкое нашествие. Призрак очередного такого похода встает перед глазами, когда читаешь ст. 14: общее собрание готовит всю военную операцию и называет ее сроки; разрабатывает маршрут движения; устанавливает цены на провиант, места его закупки и расквартирования войск; порядок ввода единой монеты на время войны (что может быть удобнее серебряного чешского гроша?); наконец, определяет, в чьи руки попадут освобожденные от турок христианские земли. На самом деле автор проекта в предыдущей статье уже решил: война против врага будет идти «... до тех пор, пока он не будет изгнан с территории христиан или пока по совместному решению не будет постановлено заключить мир, который может быть заключен лишь при условии, что безопасность соседних христиан будет обеспеченной». Сколько же продлится война? И все это время ее должны оплачивать европейские государи, Римский Папа и церковные иерархи? Что станет с их валютами, когда полновесные гроши, попавшие в солдатские руки, опять получают хождение в Европе? Стоит задаться такими вопросами и понимаешь, почему, судя по рассказу одного из участников чешского посольства ко двору Людовика XI, французские епископы яростно «...кричали, ...противодействуя заключению предлагавшегося союза» [2, с. 394].

Финансовые соображения должны были оказать серьезное воздействие на решение французского короля уклониться от поддержки Подебрада. Людовик XI, как известно, прекрасно осознавал власть денег и поэтому распоряжался ими весьма скупно. В то же время были и другие, не менее важные, причины для подобного решения. И тут мы подходим к главной проблеме: действительно ли чешский проект отстаивал принципы независимости и суверенитета появляющихся национальных государств? Мог ли он помочь французскому королю в его борьбе с аристократами, в 1465 г. соединившимися в «Лигу общественного блага» (*Ligue du bien public*) во главе с «наибольшими врагами национального объединения Франции» – бургундскими герцогами? Корецкому французский король представлялся «наиболее желанным для Подебрада союзником... <...> Казалось, что и Людовик должен был отнестись благожелательно к союзу, предложенному Подебрадом». В подтверждение своей идеи ученый указывает на враждебную обоим королям деятельность бургундского герцога Карла Смелого (1433–1477). Кажущийся нелогичным фактический отказ Людовика от вхождения в общий союз Корецкий объяснял нежеланием осложнять и без того запутанные отношения с Римским

Папой, а также боязнью разжечь революционные («гуситские») настроения в среде французского крестьянства [2, с. 385–386].

Эти объяснения неубедительны и противоречивы. Ослабление власти Папы было крайне выгодно для Людовика, т.к. Пий II всячески препятствовал становлению национальной церкви не только в Чехии, но и во Франции и в Германии, лишая королей возможности полностью или частично пользоваться церковными доходами. В отношении революционных настроений крестьянства Корецкий сам чуть выше писал: «Подобрад не мог, подобно Генриху IV французскому, сказать: «Париж стоит обедни». Во Франции протестантизм был распространен среди части дворянства и верхушечной части буржуазии, крестьянство было католическим» [2, с. 383]. Так в чем же заключаются причины, заставившие «скрытного» и «хитрого» Людовика в присущей ему манере не отвергнуть и не принять предложенный документ, хотя он внимательнейшим образом изучил его статьи?

Как нам представляется, этот проект нельзя назвать «...первой попыткой создания союза равноправных и независимых государств с целью обеспечения мира» [5, с. 108–109]. Он зовет европейцев не вперед, а, скорее, назад, во времена расцвета рыцарских добродетелей XI–XIII вв. Обратим внимание на преамбулу трактата, где содержится основной идейный посыл документа. «...Некогда процветало христианство, и было одарено людьми и земными благами; царство его так вдаль и ширь простиралось, что было в лоне его сто семнадцать пребогатых королевств...». И вот это царство унижено. «...Ныне христианство разрознено, раздроблено, разбито и лишено всего былого великолепия и блеска». Среди христиан возникли раздоры. «Препоганейшие турки» разоряют их страны. Автор задается вопросом: почему так быстро земное величие (империи, королевства, власти) сменяется полным упадком? Господь не отказал в плодородии полям, садам, виноградникам, не оскудели золотые и серебряные рудники. Природа человека осталась неизменной: «...люди разумны, прилежны, мужественны, во многих делах искусны, науки процветают как никогда». А христианские государства одно за другим падают под напором турок. Из 117 осталось только 16. Ответ таков: Господь пожелал наказать христиан за их грехи. Он допустил появление «коварного Магомета», который «...смутил сначала малый народ арабов; когда же его первым попыткам не был дан отпор, он вскоре склонил на свою сторону такое множество погибших людей, что подчинил своей власти обширные области Африки и Азии, и подбил их на гнусную измену».

Мысль автора ясна: государство слабо, если в нем нет религиозной идеи. Магомет соединил изгоев («погибших людей») религией

вседозволенности, потакающей человеческим порокам. Христиане не могут вести себя подобным образом. Они должны вспомнить о том, что религиозные ценности выше всех земных богатств. «Жалка ныне судьба греков», которым остается только громко оплакивать «погром Константинополя». Успехи мусульман – страшный и поучительный урок христианам. Следует хорошо выучить этот урок и в дальнейшем избегать пороков, следуя заветам Господа. Тут же указаны и способы устранения ошибок. Силы добра (они названы в соответствии со средневековой «трехчастной» картиной мира: «молящиеся», «воюющие» и «трудящиеся») добьются прекращения и полного искоренения междоусобных войн и смогут «...создать такой союз единения, мира, братства и согласия, который... стоял бы непоколебимо и... на вечные времена сохранялся бы». Государям останется только охранять и защищать этот союз. Перечисляя их обязанности, автор в точности повторяет пункты рыцарского кодекса чести, сформулированного еще в VIII–IX вв.: укреплять положение христианства, вести войны против его врагов (бусурман), охранять и расширять границы христианского мира [4, с. 91–92].

В статьях трактата содержится требование введения в действие принципов арбитража и третейского посредничества (ст. 4), говорится о необходимости создания международного суда (общей консистории), функционирующего не как феодальный, а на правилах судоговорения (ст. 9). Участникам союза предложено от своего имени и от имени подданных отказаться от применения оружия. Им следует поддерживать других правителей против враждебных действий, начинаемых не по эдикту, основанному на праве (ст. 1). Не вступать в сговор против другого (ст. 2). Не поддерживать и не укрывать на своей территории преступников, а в случае нарушения – кара должна постигнуть и преступника, и укрывателя (ст. 3, чьи положения конкретизируются в ст. 6–8). Жертва агрессии, «даже если подвергшийся нападению друг того и не просит», может рассчитывать на материальную помощь союза (ст. 4). Арбитраж предлагается и тем христианским князьям и магнатам, которые не участвуют в общем собрании. В случае отказа одной из противоборствующих сторон от мирного посредничества собрание принимает меры, указанные в ст. 4 (ст. 5).

Все эти предложения, на наш взгляд, не выходят за рамки принципов средневековой теории «Божьего мира» (*Pax Dei*), за исключением неполного признания папского авторитета. «В феодальную эпоху нередко прибегали к арбитражу», – пишет Корецкий [2, с. 395]. Обращает на себя внимание лишь стремление усилить государственную власть, подорвав позиции феодалов – владельцев иммунитетных территорий, где часто укрывались рыцари-разбойники, беглецы и преступники. Для

французского короля здесь не было ничего нового, т.к. подобные меры успешно проводили в жизнь его предшественники, начиная с Людовика IX Святого (1226–1270). А вот запрет на сговор против другого мог только раздражить предполагаемого главного союзника Подебрада. Тайные интриги с целью столкнуть лбами своих врагов были одним из основных и действенных средств в арсенале короля, получившего прозвище «всемирный паук». Известно, что он погубил Карла Смелого, организовав против него коалицию Швейцарии и Лотарингии, сам оставшись в стороне. Запрет принимать под охрану военных преступников никак не мог устроить феодальную знать Германии, особенно курфюрстов (князей – выборщиков императоров), активно боровшихся с последними за усиление собственной власти. В то же время германский император не был прямо упомянут в тексте договора. «Подебрад пытался «нейтрализовать» императора. На троне сидел тогда Фридрих III... Фридриху с трудом удавалось удержать свою власть. Бывало, что только помощь Подебрада спасала его. Подебрад был втянут в имперские дела. Его силы немецкие князья и боялись, и хотели ее использовать для своих целей» [2, с. 384]. В довершение всего в проекте договора содержалась ст. 12, в которой говорилось: собрание имеет право принимать в свои ряды не только королей, но и любого христианского князя или магната, обещая им помощь и защиту [4, с. 95]. Трудно понять, как это сочетается с намерением бороться с непокорными вассалами или со стремлением создать единое национальное государство?

Вопросы, остающиеся без ответа, автор проекта выносил на решение общего союза. Переходя к описанию органов управления союза, он сразу же заявляет: объединение учреждается прежде всего с целью оказания помощи христианам, попавшим во власть турок (ст. 13). Т.е. подчеркивается временная цель организации, видимо, для того, чтобы не испугать ее возможных участников масштабом планируемых мероприятий. Им придется пойти на значительные расходы (ст. 18) для содержания армии и флота, руководящих органов союза, а также на ведение обширной международной деятельности. Устанавливается точный срок (к ближайшему воскресенью 1464 г.!) сбора послов, наделенных «широчайшими полномочиями», в Базеле. Здесь заседания продолжатся в течение пяти лет. На этом этапе следует выработать основные принципы деятельности союза. Следующие 5 лет заседания будут проходить во Франции, потом – в Италии, а потом – как решит собрание.

Возглавляет собрание совет королей и князей под председательством одного из них. Совет исполняет функции верховного суда для монархов и их подданных (следовательно, он будет вмешиваться во внутренние

дела государств, что, в противоречие с декларируемой целью прекращения внутренних междоусобиц, неизбежно поощрит раздоры). Собрание имеет свой герб, печать, общую казну, архив, синдика, фискала (фискального прокурора), чиновников и «все прочие права разрешенной и исправной корпорации свойственные и принадлежащие» (ст. 16). Добавим к этому армию, флот, собственных послов и убедимся: это не международная организация, не союз равных, а наднациональное государственное образование, очередной вариант универсальной монархии. (Для смягчения негативного впечатления от обилия полномочий союза добавлена ст. 17. Здесь предлагается назначать временным главой собрания представителя той нации, на территории которой в данное пятилетие проходят заседания [4, с. 97]. Так и видишь французского короля, германского императора или гордого кастильского монарха, склонившихся в низком поклоне перед каким-нибудь буржуа из базельского магистрата.) Но и это еще не все. Как будто для того, чтобы у нас не осталось сомнений в направленности проекта, его автор почти в самом конце помещает ст. 22. Никто из наследников умершего члена общего собрания не может вступить во владение своей страной, пока не даст формальную клятву (обязательна грамота с личной печатью) соблюдать все статьи договора «с верностью непоколебимой» [4, с. 99]. Разве не так выглядит прямое нарушение суверенитета? Почти дословно повторяется формула принесения клятвы сеньору во время обряда вассальной присяги (оммажа).

Если принять во внимание, что «вывод о характере организации должен быть основан на всестороннем изучении вопроса о сочетании принципа суверенитета государств и деятельности организации» [5, с. 112], следует признать: проект Подебрада в перспективе вел к установлению в Европе диктатуры правителя, распоряжающегося огромной силой. Эта сила по его желанию могла быть направлена как против турок, так и против христиан. Нотка непримиримости звучит в цитированной ранее ст. 21, где по принципу «кто не с нами, тот против нас» заранее названы «защитниками безбожия и врагами креста Христова» все, отказавшиеся войти в общий союз. Как это напоминает яростное письмо одного из радикальных вождей Крестьянской войны в Германии 1524–1525 гг. Т. Мюнцера (1489–1525) мансфельдским рудокопам с его знаменитой строчкой: «Если не хотите пострадать во имя божие, то пострадаете во имя дьявола»!

В таком случае придется отказать проекту Подебрада в праве называться проектом «вечного мира»? Поместим его в длинный ряд политических документов, отвечавших требованиям своего времени и не оставивших после себя никакого следа? Баскин, например, отмечал: проект чешско-

го короля «...не был в то время достаточно известен», «...не получил... сколько-нибудь широкого распространения и остался, видимо, неизвестным для писателей XVII–XVIII вв.» [1, с. 191, 193]. Поэтому историю идеи «вечного мира» в Новое время обычно начинали с «Великого плана» или «Великого замысла» (1595 г.) французского короля Генриха IV (1594–1610), изложенного в «Мемуарах» (1638 г.) его суперинтенданта (министра) финансов М. де Бетюн барона Рони герцога де Сюлли (1559–1641). Однако позволительно сомневаться в том, что в этом проекте, как и в проекте Подебрада, звучит «отказ от единой мировой монархии» [1, с. 191].

Трактат, предложенный на обсуждение от имени чешского короля, имеет одну важную особенность. На нее обратил внимание Корецкий. «Подебрад включил в свой проект указание на желательность обращения к арбитру, который должен был быть «воздействующим посредником» (mediator) в деле обеспечения мира. Этот mediator должен был опираться не на усмотрение свое, не на произвол (arbitrium), а на принципы римского права, в котором Подебрад видел «новое право», вышедшее из недр природы», – пишет он, добавляя, что «этим Подебрад предвосхищал естественно-правовую доктрину» [2, с. 396].

Действительно, в ст. 9 трактата говорилось: «Понеже забота о мире немыслима без справедливости [юстиции], справедливость без нее, ибо из справедливости мир родится и сохраняется, и понеже мы и подданные наши не можем без справедливости в мире пребывать, мы связываем справедливость с делом мира; но поелику закон, который был написан о судопроизводстве, в последующее время подвергся многим изменениям, и дело дошло до того, что он постепенно потерял значение вовсе, а практика толкованием облекла его в совершенно иную форму, мы считаем судебные правила совершенно перепутанными и полагаем, что *соответственно с обычаями, обыкновениями и условиями нового времени* и наших разных стран, королевств и княжеств *следует ввести новые, из лона природы почерпнутые правила* (курсив мой. – А.О.) и с новыми злодеяниями бороться новыми средствами, которыми добродетельные люди вознаграждались бы, а преступники молотом наказаний неустанно уничтожались». Это, по мнению автора трактата, могла бы сделать общая консистория, из которой, «...как из источника, текли бы ручьи справедливости во все стороны» [4, с. 94–95].

Строго говоря, требование «отыскания» утраченного людьми древнего справедливого права так же характерно для средневековья, как и «трехчастная» модель мира. Но ясно видно, как чешский король, прекрасно понимавший роль городов и надеявшийся на помощь горожан, и его

советник Марини (человек городской культуры) сходятся в понимании того, что феодальное право устарело и должно быть заменено естественным, дающим возможность более широкому кругу людей (естественно, тех, кто имеет собственность, а значит, полезен обществу) участвовать в принятии важных решений. Здесь действительно можно увидеть начало Нового времени в европейской истории, характеризовавшееся появлением во власти новых людей с иными (буржуазными) ценностными ориентирами.

Уникальность чешского трактата заключается в достаточно громко и ясно заявленном желании человека буржуазной культуры (или близкой ей) добиться установления «справедливости», порождающей и сохраняющей мир. Конечно, это желание в значительной степени девальвируется претензиями короля на роль, явно превышающую роль посредника (медиатора). Однако автор слов о невозможности жить в несправедливом мире (Марини?), вероятно, надеялся на то, что добившийся своего Подебрад не забудет о поддержке, оказанной ему горожанами. Требование учредить первую временную столицу союза в свободном самоуправляющемся городе Базеле просто не позволит ему забыть об этом.

Идее «новой юстиции» была суждена долгая жизнь. Большинство последующих самых значительных проектов «вечного мира» создали представители городской культуры. Это знаменитый философ Эразм Роттердамский, парижанин Э. Крюсе (де ля Кроа [Круа]), англичанин У. Пенн – основатель колонии Пенсильвания в Северной Америке, аббат Ш.И. де Сен-Пьер, Ж.Ж. Руссо, Дж. Бентам, И. Кант и др. Плодотворная среда европейского города с его центрами управления, сообществами ученых, интересом к практической политике и различными способами передачи информации позволяла сохранить предыдущие достижения и развить их, внося в идею «вечного мира» новые важные оттенки.

Библиографический список

1. Баскин Ю.Я. Идея «вечного» мира в философской и политической литературе нового времени // Советский ежегодник международного права. 1964–1965. М., 1966.
2. Корецкий В.М. Проект Юрия Подебрада об организации мира и безопасности // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 5.
3. Мельников Л.Е. Социально-экономическое и политическое развитие города в Польше, Чехии и Венгрии // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа / Отв. ред. Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова. М., 1992.
4. Трактат об установлении мира в мире христианском // The Universal Peace Organisation of King George of Bohemia A Fifteenth Century Plan for World

- Peace. 1462/1464. Prague, 1964. Russian Translation (L.P. Mozhanskaya, E.V. Tarabrin).
5. Ульянова Н.Н. 500-летие трактата Иржи Подебрда об организации мира и безопасности // Советское государство и право. 1965. № 1.
  6. Флоря Б.Н. Социально-политическое развитие стран Центральной Европы // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа / Отв. ред. Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова. М., 1992.
  7. Markgraf H. Ueber Georgs von Podiebrad Project eines christlichen Fürstenbundes zur Vertreibung der Türken aus Europa und Herstellung des allgemeinen Friedens innerhalb der Christenheit // Historische Zeitschrift. 1869. Bd. 21. № 1–2.

В.В. Суховерхов

Испания первой половины XVIII века: начало модернизаторских инициатив «просвещенного абсолютизма»

В статье ставится вопрос о необходимости исследования «забытых» в российской историографии правлений испанских королей Фелипе V и Фернандо VI и кратко освещается деятельность этих королей по выводу Испании из векового хозяйственно-культурного упадка.

Ключевые слова: административные инициативы, буржуазная модернизация, государственный аппарат, идеи Просвещения, «просвещенный абсолютизм», программа реформ, хозяйственно-культурный упадок.

XVIII век, исключая первое и последнее десятилетия, – необычайно значимый для испанской истории период, с которого началось ее поступательное развитие.

Созревавшие между «забытыми исследователями годами» [14] (1680 и 1724) предпосылки выхода из хозяйственно-культурного упадка стали в годы правления Фелипе V (1684; 1701 – январь 1746) и Фернандо VI (1713; 1746–1759) основой, предопределившей почти до конца XVIII в.

неуклонную и оказавшуюся в итоге необратимой буржуазную модернизацию испанского общества.

История Испании XVIII в., большей частью тождественная истории деятельного функционирования «просвещенного абсолютизма» как системы государственной власти и управления, нашла отражение, прежде всего, в многочисленной испанской историографии, в первую очередь – универсальных трудах.

Обстоятельные труды, посвященные «просветительскому» периоду истории Испании во второй половине XVIII в., написали также французский историк Ж. Саррайль [17] и американский испанист Р. Гэрт [13].

Выдающиеся представители русской досоветской испанистики В.К. Пискорский [7] и А.С. Трачевский [9] своей задачей специальное освещение этой эпохи не ставили, ограничившись ее обзорными характеристиками. По той же причине кратко представлена история Испании XVIII в. в блестящем очерке советского академика И.М. Майского [5].

Вместе с тем в силу разного рода обстоятельств, в т.ч. утверждавшегося в советской исторической испанистике стереотипа, что первые испанские Бурбоны – Фелипе V и Фернандо VI – «были людьми посредственными и свои царствования не ознаменовали ничем замечательным» [5, с. 24], изучению этих «царствований» внимания не уделялось.

С 80-х гг. XX в. началось обусловленное особым образом сложившейся научно-организационной конъюнктурой активное изучение проблемы «позднее испанское Просвещение», то есть период второй половины XVIII в.

В 1986 г. в вузовский учебник вошел написанный Э. Литавриной уточненный, относительно развернутый материал о реформах «просвещенного абсолютизма» Карлоса III (1759–1788) [4]. В 90-е гг. данный опыт был развит в курсе лекций Н. Евдокимовой и А. Петровой, сделавших добротное обобщение существующей на русском языке литературы по Новой истории Испании [1]. Известный историк-испанист С. Пожарская проанализировала правление Карлоса III и охарактеризовала его самого [8].

Рассмотрение преобразовательных инициатив испанского «просвещенного абсолютизма» в первой половине XVIII в. осталось в целом «забытым».

Первая половина XVIII столетия, исключая период войны за Испанское наследство (1701–1713), хотя и тогда не упускалась из виду необходимость реформирования королевства в соответствии с представлениями и вкусами нового короля новой династии, ознаменовалась изменениями позитивного характера. Это было время первоначальных реформ и культурной активности, пробуждения интереса и движения к реальным вопросам и запросам жизни, в отличие от прежней, едва ли не абсолютной

стагнации и поглощенности общества религиозно-мистическим отношением к ней.

Фелипе V, первый король династии Бурбонов на испанском троне, не забывая, что «отныне» он должен быть «добрым испанцем» [7, с. 152], взял курс на централизацию государства, усиление роли светских властей и ограничение чрезмерной значимости Церкви в политической и культурной жизни страны, следуя в этом отношении примеру и наставлениям своего деда Людовика XIV.

По инициативе или при поддержке Фелипе V в 1711 г. в Мадриде была основана Королевская библиотека (Real Librería), позже – Национальная библиотека Испании; создана по образцу Французской Испанская Королевская академия, первое собрание которой состоялось в 1713 г. и которая выпустила в 1739 г. первый словарь испанского языка; другие Академии: языка (1713), медицины (1734), истории (1738). В 1744 г. были одобрены представленные королем «правила» с целью «содействовать основанию Академии скульптуры, живописи и архитектуры, к чему предпринимаются попытки в Мадриде» [6, с. 63]. Создавались большие и лучшие, чем прежде, возможности для деятельности писателей и ученых. «Идеи просвещения стали находить в Испании все больше и больше сторонников» [7, с. 152], «...начинает складываться основа для научных, общественно-политических и философских исследований» [3, с. 8].

Вместе с тем все более учащавшиеся депрессивные состояния Фелипе V наряду с безудержным стремлением к власти его второй супруги, королевы Исабель де Фарнезе Савойской (1692–1766), привели к тому, что дела управления государством сосредоточились в ее руках. Задавшись целью, прежде всего, ослабить влияние Франции и придать проитальянское направление внешней политике Испании, Исабель де Фарнезе вручила руководство ею сначала итальянцу Юлию Альберони (1664–1752, кардинал с 1720 г.), затем, в 1728 г., испанцу Хосе Патињу (1666–1736).

Выдающиеся администраторы, они сумели в полной мере учесть и объединить в проводимой ими политике фамильные честолюбивые устремления королевы, желавшей зарезервировать для своих детей троны итальянских государств, и национальные интересы Испании, продолжив в результате линию на выход страны из упадка.

Ю. Альберони за сравнительно короткий срок (до 1719 г., когда он из-за дипломатических, а также связанных с войной в Италии (1717–1719) неудач был удален от дел и двора вообще) сумел восстановить военный потенциал армии [2] и флота, способного вызвать беспокойство всех заинтересованных в зоне Средиземноморского бассейна стран. Обсто-

ительство, тем больше говорившее об административных дарованиях Ю. Альберони, что незадолго до этого, в 1691 г., английский посол, сообщая своему правительству о состоянии испанской эскадры, писал, что «едва ли мне следовало бы утверждать, что испанцы имеют более четырех исправных кораблей» [15, с. 430].

Результатом административных инициатив Х. Патиньо, много делавшего для хозяйственного подъема, выправления финансовой ситуации и укрепления внешнеполитических позиций Испании, стало создание условий для усиления государственности раннего «просвещенного абсолютизма» в этих направлениях.

Осуществлялась реорганизация флота с тем, чтобы в перспективе устранить конкуренции флотов европейских государств на путях Испании с ее колониальной Америкой. Одним из первых шагов в этом смысле явилось открытие в Кадисе готовившей морских офицеров Школы гардемарин (1717). В нее принималась дворянская молодежь, обучавшаяся по особому учебному плану, максимально представленному «полезными науками», из рядов которой вышел ряд ученых. Например, видные математики Хорхе Хуан и Антонио Ульоа – участники знаменитой экспедиции французского исследователя Ш.М. де ла Кондамина (1701–1774) в 1735–1746 гг. в Южную Америку. В Перу, в частности, они занимались вычислением дуги меридиана, «чтобы определить степень шарообразности Земли» [10, с. 331], что послужило основанием для первого достоверного определения ее формы. По результатам экспедиции был подготовлен научный отчет – «Relación histórica del viaje a la América meridional» (1748). Тогда же, в 1748 г., выпустили труд «Астрофизические наблюдения» («Observaciones astronómicas y físicas»).

Кадису было предоставлено монопольное право на ведение торговли с Испанской Америкой и ряда крупных торговых операций с Германией и Нидерландами. Была создана Компания Гипускоа, посредством которой было положено начало масштабной колонизации Венесуэлы, до того времени мало освоенной Испанией, с точки зрения ее властей, заморской территории. Учреждена Компания, налаживавшая торговлю с Юго-Восточной Азией, распространяя, таким образом, коммерческую экспансию Испании за пределы Филиппин, с которыми такого рода контакты уже существовали.

Х. Патиньо удалось также переориентировать акценты во внешней политике Испании с проитальянских и австрийских, сторонником которых, правда, был Ю. Альберони, и быстро интегрировать Испанию в систему ведущих западных держав. Приняв правила континентального равновесия, предложенные Ганноверским блоком (Англия и Франция)

и утвержденные Севильским соглашением 1729 г., Испания стала пользоваться поочередной поддержкой держав этого блока [16, с. 19].

В результате, несмотря на то, что хозяйственный упадок, достигший своего предела в 1680 г., не сменялся подъемом до 1735-го, благоприятные признаки правления первого испанского Бурбона стали, тем не менее, обозначаться и казаться настоящим обновлением в сравнении с существовавшим в XVII в. экономическим хаосом.

Фернандо VI, руководствуясь не в ущерб престижу и чести Испании политической максимой – «Мир со всеми, война ни с кем» [15, с. 430] – закрепил и отчасти обогатил результаты государственной деятельности своего отца, Фелипе V. Крайне важным, поистине судьбоносным для истории Испании в этом смысле шагом явилось осуществленное не без поддержки Англии, действовавшей в пику Франции, сохранение по окончании войны за Австрийское наследство трона Неаполитанского королевства за доном Карлосом.

Развивавшиеся далее в положительном для Испании направлении дипломатические контакты с Англией привели к урегулированию долго осложнявшего морскую мобильность королевства вопроса. В 1750 г. было отменено ненавистное условие подводившего итоги войны за Испанское наследство Утрехтского мира (1713), т.н. «ограничение на судоходство» («*navío de permiso*»), сковывавшее активность связей с заокеанскими владениями. Наконец в 1752 г., в Аранхуэсе, резиденции испанского короля, был подписан оборонительный союз с Англией и Австрией.

Новой внешнеполитической ориентацией Испании сильнейшим образом была обеспокоена Франция, при Фелипе V вмешивавшаяся или даже открыто определявшая ее политику в силу «фамильных договоров Бурбонов». Излишне категорично, но афористично самостоятельный от Франции политический курс Испании был сформулирован министром Людовика XV маркизом Р.-Л. д'Аржансон, в раздражении заявившим при дворе: «Во времена Людовика XIV испанская политика была французской; итальянской – при втором правлении Фелипе V; теперь она будет кастильской, национальной» [15, с. 437].

Искусная и конструктивная, она была во многом результатом деятельности двух лучших, обладавших яркими административными и дипломатическими талантами, советников и первых министров Фернандо VI – Зенона де Самодевилья (1702–1781), более известного в испанской истории как маркиз де ла Энсенада, и Хосе де Карвахалы (1696–1754).

На обеспечение, прежде всего, суверенной внешней политики Испании была направлена сформулированная Энсенадой преобразовательная программа внутригосударственных реформ.

Далее получало поддержку учреждение новых мануфактур и развитие торговли, для чего отменялись внутренние таможенные пошлины и запрещался вывоз необработанной продукции. Была проведена земельная опись, составлены проекты строительства дорог и каналов, в частности, наиболее протяженного из них – Кастильского. В ряду всех этих хозяйственных проектов-начинаний наиболее примечательными были касавшиеся укрепления государственных финансов и пропорционального взимания налогов.

В осознании практических результатов от «полезных» наук поощряется их развитие: основана была, в частности, Астрономическая обсерватория в Кадисе (1753 г.). По-прежнему открывались учреждения культуры: в 1752 г. начала деятельность ставшая знаменитой Королевская академия Сан-Фернандо (с 1774 г. – Изящных искусств).

В целом выработанная и реализовавшаяся Энсенадой (главным образом в сферах хозяйственно-экономической и финансовой) программа ставила своей задачей создание основ для всестороннего обновления испанской общественной жизни. Предельно внушительным залогом становились далеко идущие преобразования на флоте. С точки зрения боеспособности они сделали испанский флот вторым после английского и позволяли ему не только обеспечивать нерушимость морских приоритетов самой Испании, но и регулярное и в большей степени гарантированное от нападений сообщение с подвластными ей территориями в Старом и Новом свете. Не случайно поэтому удаление в результате дворцовых интриг в июле 1754 г. министра от двора было воспринято в Лондоне с публично нескрываемой радостью [15, с. 438]. «Больше корабли в Испании строиться не будут». Так начиналось направленное британским послом своему правительству сообщение об этом [12, с. 349].

Назначенный на смену Энсенате под давлением Англии выполнять внешнеполитические функции, но, как оказалось, на пользу ей лишь косвенно, Х. де Карвахаль-и-Ланкастер [11, с. 2497], повел видимую линию на дистанцирование Испании от континентальной Европы, прежде всего, от Франции. Уделяя повышенное внимание сохранности испано-американских владений, в чем он действительно преуспел, министр взял курс на предпочтительное сближение с Англией, единственной державой, стремившейся и способной, по его мнению, их отторгнуть. Отличный интеллектуальный конкурент Энсенате на дипломатическом поприще, Х. де Карвахаль-и-Ланкастер, проявляя незаурядное мастерство, вполне отвечал в решении вопросов внешней политики замыслам королевской власти по восстановлению державного величия Испании.

Во внутренней политике Х. де Карвахаль продолжил усилия государственного аппарата на экономическое возрождение Испании, основополагающей части в деле которого – расширению торговли с ее заокеанскими владениями – он способствовал более всего. Следуя в русле проводившейся во времена Фелипе V политики, он, равно как и Энсенада, осуществлял ее более определенно и целенаправленно, «...оставив благодарную память о себе за свою честность, порядочность и патриотизм» [11, с. 2497].

Именно этим министрам, благодаря предпринимавшимся ими инициативам в европейских делах и преобразованиям в хозяйственной сфере, а также «расчетливости и бережливости короля» [7, с. 155], принадлежит заслуга покрытия дефицита и заполнения государственной казны. Впервые за целый ряд веков королевство оказалось в столь благоприятной для себя финансово-экономической ситуации, обеспечив ее в течение всего лишь 13-летнего правления сумевшего сохранить нейтралитет Фернандо VI, «который умер без детей, но с большим потомством добродетелей во славу отчизны» [15, с. 439].

Затяжной хозяйственно-культурный «декаданс» ко второй половине XVIII в. был преодолен. Развитие Испании в эпоху «просвещенного абсолютизма» достигает максимума в правление сына Фелипе V и Исабель де Фарнезе Савойской Карлоса III, который после кончины своего сводного брата Фернандо VI в силу законов престолонаследия должен был оставить трон Неаполитанского королевства и занять трон королевства Испанского.

Библиографический список

1. Евдокимова Н.П., Петрова А.А. Испанское Просвещение XVIII в. // Проблемы Новой истории Испании: Курс лекций. СПб., 1997.
2. Жизнь и примечания, достойные дела кардинала Альберония, бывшего при Гишпанском дворе первым министром. СПб., 1870.
3. Журавлев О.В. Пути и перепутья. Очерки испанской философии XIX–XX веков. СПб., 1992.
4. Литаврина Э.Э. Испанское Просвещение. Реформы «просвещенного абсолютизма» // Новая история. М., 1986.
5. Майский И.М. Испания 1808–1917. Исторический очерк. М., 1957.
6. Непомнящий Н.Н., Низовский А.Ю. Испания, которую мы не знали. М., 2000.
7. Пискорский В.К. История Испании и Португалии. СПб., 1902.
8. Пожарская С.П. Испания. Династия Бурбонов // Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1996.
9. Трачевский А.С. Испания девятнадцатого века. М., 1872. Ч. I.
10. Altamira y Crevea R. Historia de España y de la civilización española. Barcelona, 1929. T. IV.

11. Diccionario enciclopédico Espasa. Madrid, 1989. Т. 3.
12. Enciclopedia universal ilustrada europeo-americana. Madrid, 1982. Т. LVII.
13. Herr R. The Eighteenth-Century Revolution in Spain. Princeton, 1958.
14. Menéndez Pidal R. Historia de España. La época de los primeros Borbones. Madrid, 1985. Т. XXIX. V. I.
15. Navarro E.J. Historia de España. Madrid, s. a.
16. Reglá J. y Alcolea S. Historia de la cultura española. El siglo XVIII. Barcelona, 1957.
17. Sarrailh J. L'Espagne éclairée de la seconde moitié du XVIII-e siècle. Paris, 1954.

С.А. Артеменко

Причины возникновения и развитие движения методистов в Англии XVIII века

В данной статье изучены вопросы становления движения методистов в Англии XVIII в.: экономическая ситуация в стране в период появления методизма; лидеры движения Чарлз, Джон Уэсли и Джордж Уайтфилд, особенности их проповеднической деятельности и причины успеха движения; отношения с официальной англиканской Церковью; социальные аспекты деятельности методистов (организация обществ на местах, их порядок и устав; широкая проповедническая деятельность; благотворительность, социальный состав последователей методизма).

Ключевые слова: английский методизм, Чарльз и Джон Уэсли, методистская организация.

Для истории протестантизма характерны большая динамичность, гибкость и стремление учитывать социальный контекст жизни верующих. Именно поэтому протестантизм отличается таким обилием конфессий внутри себя: в ответ на меняющуюся под влиянием времени социальную, экономическую и политическую жизнь меняются и взгляды протестантов на жизнь духовную.

Методизм появился в непростой для развития новых религиозных течений исторический период – в XVIII в., веке «культы разума», прогресса

и религиозной толерантности, часто доходящей до религиозной индифферентности. Модернистское богословие, названное в Англии деизмом, с логически обоснованной критикой всего Священного Писания, должно было окончательно выбить почву из-под ног последних фанатично верующих (в основе своей пиелистов, верных заветам Христа и апостолов). Каждое послание было рассмотрено деистами под микроскопом ясного разума, многочисленные вопросы и нестыковки были явственно обозначены. Просвещение вызвало обмирщение общества. Если веком раньше споры о духовном были отличительной чертой образованной молодежи, то в XVIII столетии обсуждение религиозных вопросов стало менее популярным, а в среде высшей знати и «золотой молодежи» – даже нелепым, как споры о несуществующем и недоказуемом. Разговоры об удачных сделках, новых достижениях науки и техники, открытиях и т.д. стали основной темой бесед и восхищения представителей высшего общества. Божественное влияние на окружающий мир и жизнь людей, в частности, не отрицалось полностью, но подвергалось требованиям разумности в интерпретации религиозных доктрин, веротерпимости и отсутствия фанатизма, разрушающего веру и мир. Все неподвластное доводам разума не удостоивалось ни внимания, ни тем более веры, которая требовала подчас слепого подчинения, истовости, строгой дисциплины и беспрекословного выполнения предписаний церкви – то, что и попытались возродить первые методисты. Эту общепринятую точку зрения – о вытеснении деизмом истинного христианства – опровергает, однако, профессор Джон Кент, считающий, что радикальные философы, такие как Джон Локк и Самуил Кларк, никак не могли угрожать англиканству и социальной стабильности, поскольку не затрагивали основной массы общества [8, с. 49].

До недавнего времени было распространено мнение, что XVIII в. был временем полного упадка религии в Англии. В своей работе «Социальная сущность и эволюция методизма» С.М. Орлов пишет, что «индифферентность народных масс к религии неуклонно возрастала. Духовенство было бессильно остановить развитие этих тенденций. Попытки различных обществ, специально созданных протестантскими сектами, оживить интерес к религии не увенчались успехом» [2, с. 4]. Однако было бы ошибочным называть XVIII в. веком полной бездуховности, на фоне которой возник методизм. Так, Дж.М. Тревельян в своей работе «История Англии от Чосера до королевы Виктории» приводит доказательства, что, несмотря на нерадивость некоторых епископов, большинство исправно выполняли свои церковные обязанности, во многих районах церковная жизнь была суровой, бурной и энергичной [5, с. 388]. Конечно, отрицать

влияние века просвещения невозможно, но религиозное равнодушие распространялось не на все слои общества, оно было характерно в большей степени для представителей высшего общества. Представители же среднего сословия – предприниматели и бизнесмены – отличались крайней религиозностью, доходящей до суеверия. Согласно этике протестантизма, каждый человек предопределен к успеху или неуспеху, и первый являлся признаком возможной богоизбранности. Поэтому успех в делах был крайне важен новому предпринимателю, но для его достижения нередко приходилось пренебрегать моралью или этикой (впрочем, оговоримся – не все закрывали глаза на правила морали при сделках – предприниматели из ряда квакеров отличались поразительной честностью, поэтому кредит доверия по отношению к ним был довольно высок). Таким образом, в деловые отношения органически вплетались вопросы морали и этики и отношение к ним. Дилемма состояла в следующем: часто для достижения успеха в какой-либо сделке приходилось поступаться моралью, однако это тревожило суеверную душу англичанина и заставляло мучительно искать оправдание некоторым поступкам. В этом отношении методизм помог многим английским бизнесменам разрешить данное противоречие: посредством филантропии и богоугодных дел, согласно Джону Уэсли (1703–1791), можно было искупить грехи, а значит, очистить совесть и не потерять Божьего благоволения.

В немалой степени успеху первых методистов способствовал, как ни странно, запрет англиканской церкви на общественную проповедь внутри церковных помещений. Поскольку авторитет церкви был достаточно низок на тот момент, то и количество прихожан значительно сократилось. Новая проповедь, безличная и абстрактная, затрагивающая моральные и нравственные аспекты, но лишенная жизнеописаний Христа и его чудес, не могла удовлетворить ни знатную публику с первых рядов, ни деревенскую толпу. Учитывая, что и первые ряды, и толпа простонародья уменьшились вдвое по сравнению с предыдущим веком, даже самая идеальная проповедь вряд ли дала бы такой грандиозный результат, продолжай Джон Уэсли и Джордж Уайтфилд (1714–1770) проповедовать внутри полупустых церквей. Запрет на богослужение внутри церкви заставил методистов искать новые «амвоны» под открытым небом. Почему же эти проповеди принесли им такую популярность? Ведь, если рассуждать логически, незаинтересованному в проповеди человеку должно быть все равно, где слушать неинтересное: в церкви или в поле. Однако в церковь он не идет, зато стоящему «на горе» странствующему проповеднику внимает истово. Ответ на этот вопрос станет ясным, если взглянуть на экономическое развитие Англии XVIII в.

Этот век стал для Англии переходным от мануфактурного производства к фабричному. Дешевая фабричная продукция постепенно вытеснила с рынка изделия ручного труда, заставив занятых на этих работах ремесленников перейти на фабрики. Огораживания также способствовали оттоку крестьян в города на фабрики, формируя дополнительные резервы дешевой рабочей силы. Мировой рынок требовал конкурентоспособной, а соответственно, недорогой продукции. Огромное количество рабочей силы позволило создавать конкурентоспособный товар за счет снижения затрат на заработную плату, иначе говоря, используя рабочую силу по максимуму с минимальными затратами на ее содержание. Немудрено, что многие церкви опустели – их прихожанами как раз и были те самые многочисленные обезземеленные крестьяне и ремесленники. Вряд ли этот слой населения сильно трогали доводы богословов, отрицающие богодухновенность Библии, – проповеди читались скорее для обеспеченной публики с первых рядов, чем для необразованных граждан. Новым рабочим фабрик стало некогда и незачем искать духовное начало: длинный и тяжелый рабочий день, а также оторванность от родных мест стали помехой на духовном пути. К тому же в новых промышленных центрах и горнодобывающих районах рабочие были вообще лишены всякой возможности посещения церкви по причине отсутствия там новых церковных приходов. Добавим сюда отсутствие каких-либо мер со стороны государства по воспитанию в народе религиозного сознания и образования и широкое распространение торговли джином (потребление джина поощрялось государством вплоть до 1751 г. посредством низкого налога на спирт и, соответственно, низкой себестоимости конечного продукта, поскольку это повышало спрос и продажи зерна, что было выгодно землевладельцам) [5, с. 370] – и мы получим пьянствующего, часто нездорового рабочего, лишенного возможности и времени посещать церковь и слушать проповедь и уже смутно помнящего как о чудесах Господних, так и о наказаниях церкви.

Где же проповедовали методисты, изгнанные из англиканских церквей? Разумеется, там, где есть слушающие: перед рабочими фабрик, грузчиками в портах, т.е. перед низшими слоями, оторванными от участия в духовной жизни общества. И поскольку потребность в духовном у согнанных на фабрики рабочих никуда не делась, то и проповедь методистов имела такой успех, особенно учитывая беспросветность существования трудящихся. Рабочие потянулись к утешительному слову новых проповедников в поисках обоснования своего существования и, в небольшой степени, в поисках дешевых развлечений (почему бы и не поглазеть на занятых фанатиков во время рабочего перерыва в штольне?).

Фанатичный проповедник в век разгула ханжества – это тоже своего рода развлечение, особенно если выбор забав узок. Именно поэтому основными слушателями проповедей первых методистов стали низшие слои населения Англии, находившиеся в полном пренебрежении церкви и государства: рабочие корнуолльских штолен, жители лондонских трущоб, нортумберлендских болот, портовые грузчики Бристоля.

Владельцы добывающих и промышленных предприятий также косвенно способствовали развитию методизма, не устанавливая запретов на проповедническую деятельность первых методистов в пределах их предприятий среди рабочих: вероятно, им была необходима социальная дисциплина для предотвращения возможных мятежей и смуты.

Джон Телфорд упоминает в своей книге «The life of Rev. Charles Wesley», что представители иных конгрегаций, к примеру – квакеры, также посещали проповеди методистов. Так, Чарлз Уэсли был приглашен выступить с проповедью в Такстеде перед более чем семьюстами слушателями, большинство из которых были квакерами [9, с. 85].

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и новый способ подхода к чтению проповеди. Проповедь англиканской церкви XVIII столетия представляла собой уже не рассказы и песни о чудесах Господних, смерти и воскрешении Христа, но простое и скучное для прихожан восхваление человеческих добродетелей, красот созданной Богом природы – то есть всего того, что не было опровергнуто рационалистическим умом и логикой критиков века Просвещения. Первые методисты подошли к делу проповедования со всем жаром и пылом истинных фанатиков веры. Проповеди представляли собой настоящие театрализованные представления: речь восторженного оратора Уайтфилда перемежалась пением гимнов Уэсли (гимны как более удобный способ для восприятия и повторения метрических восхвалений деяний Бога в XVIII в. заменили собой стихи псалмов для низших сословий), причем слова и выражения для проповеди подбирались с учетом уровня восприятия слушателей: простая и безыскусная, когда необходимо, но зато понятная слушателю речь. Популярность гимнов была не в малой степени обусловлена использованием удобного для восприятия рабочими языка и простыми мелодиями с припевами и повторяющимися строками, поэтому всякий, даже имевший скромные музыкальные данные, мог повторить гимны за проповедником. Вот, например, отрывок из одного гимна Чарлза Уэсли:

*Hark! the herald angels sing,
«Glory to the new born King,
peace on earth, and mercy mild,
God and sinners reconciled!»*

*Вести ангельской внемли:
«Царь родился всей земли!
Милость, мир Он всем дарит,
Грешных с Богом примирит».*

*Joyful, all ye nations rise,
join the triumph of the skies;
with the angelic host proclaim,
«Christ is born in Bethlehem!»
Hark! the herald angels sing,
«Glory to the new born King!»*

*Все народы – вознеситесь,
С ангелами съединитесь!
Вифлеему песнь поем,
Царь Христос родился в нем.
Вести ангельской внемли:
«Царь родился всей земли!»*

[10, с. 142]

Гимн, отрывок из которого приведен выше, до сих пор является очень популярной рождественской песней (немного видоизмененной относительно начала своего создания), исполняемой во время рождественских праздников у христиан разных конфессий в различных странах мира. В некоторых местах он является неотъемлемой частью рождественских служб, имея даже конкретное фиксированное место в богослужении. Так, например, в англиканской капелле Королевского колледжа (King's Colledge) в Кембридже он всегда поется на рождественской Службе Девяти Чтений в качестве заключительного песнопения.

Сейчас каждый политик, религиозный или иной общественный деятель знает непреложную истину: для достижения оптимального результата со слушателем нужно говорить на его языке, используя знакомые и понятные выражения, жесты, паузы и фразеологические обороты. Интуитивно методисты использовали самый оптимальный способ общения с массами и, как результат, получили грандиозный отклик по всей стране и впоследствии даже за ее пределами.

При всем этом сами проповеди не содержали ничего кардинально нового с точки зрения духовного мировоззрения. Уэсли разделял основные доктрины и установления англиканской церкви, не предполагая соперничать с ней и уж тем более реформировать церковь или отделяться от нее. «Я никогда не имел замысла отделяться от Церкви, – писал он в своем журнале. – Я живу и умру как член церкви Англии». В письме к Георгу II Уэсли также подтверждал свою приверженность англиканской церкви и короне: «Мы объединились только для одной и никакой другой цели – для содействия, насколько это в наших силах, справедливости, милосердию и правде слова Божия, а также установлению мира и доброй воли среди людей; мы не приемлем доктрины римо-католической церкви и принадлежим только царственной особе Вашего Величества и королевского дома» [11, с. 2].

Уэсли утверждал спасение для всех людей через веру в Христа. Не отрицал он и важности таинств, считая их незаменимой помощью всем людям в принятии веры и утверждении в ней.

Главной своей задачей первые методисты, в частности, Уэсли, считали духовное пробуждение христиан и объединение их в лоне англиканской

церкви, что подтверждает история Первой Конференции Методистов в Лондоне (1744), в ходе которой были четко оговорены вопросы единства методистов и англиканской церкви, а также воспитания членов общества и борьбы с пороками времени через веру. Следуя этой цели, методисты, помимо спасительных проповедей, вели активную социальную работу, считая социальное служение обязательной частью христианства, создавая общества помощи не только для нуждающихся англикан, но и, что примечательно, помогая вдовам, сиротам, больным из других религиозных течений [3, с. 47]. Подобная толерантность по отношению как к господствующей церкви, так и к иным религиозным верованиям – довольно редкое и необычное явление. В своих проповедях Джон Уэсли, ссылаясь на Писание, высказывался в защиту пользы добрых дел как результатов истинной веры, считая, что доскональное знание Библии и только лишь вера без проявления любви к ближнему не приближают христианина к Богу, но отдаляют от него [7, с. 146]. Эти проповеди стали своеобразным фундаментом для начала обширной филантропической деятельности века. Сам Уэсли жил и действовал согласно своим нравственным и духовным установкам, в т.ч. вел благотворительную деятельность, раздавая полученные за счет проповедей средства нуждающимся. Доказательством тому служат многочисленные письма-распоряжения относительно полученных средств и банковские отчеты. В одном письме, адресованном Эбенезеру Блэкуэллу, он отчитывается за оставленные ему деньги, четко описывая, кому, какое количество и на какие нужды были выделены средства: «Для Джона Эджера, бедного безработного ткача – 5, для Люси Джонс, сироты – 20, для старой женщины в большой беде – 26...» [11, с. 2].

Естественно, первые методисты не могли не сознавать, что даже очень хорошая проповедь трогает сердца людей лишь на некоторое время, пока живо воспоминание о сказанном и услышанном, и, чтобы предотвратить обратный путь к пьянству и греху, нужно, чтобы уверовавшие постоянно обращались к Богу и очищались спасительными проповедями. По мере увеличения пробудившихся, приходящих в Уэсли с просьбами помочь советом, как сохранить это чувство, Уэсли нашел целесообразным организовать вопрошавших в общества, и в 1743 г. он составил основные правила для членов этих обществ [6, с. 43]. Была введена система организации вновь обращенных в постоянные группы, члены которых давали обязательство жить свято, избегать мирских удовольствий, посвящать себя различным аспектам духовной жизни, встречаться и становиться посвященными друг другу и подотчетными друг перед другом. Группы («классы»), состоявшие из 10–12 человек, должны были собираться раз

в неделю под председательством старшего для обсуждения духовного состояния каждого члена класса и для обмена духовным опытом, накопленным за истекшую неделю, с целью установления строгого пасторского надзора за каждым членом Церкви. Руководитель «класса», в свою очередь, обязан был давать отчет о каждом собрании «класса», о его духовном состоянии. Собрание руководителей классов образовывало «совет общины». Созданные таким образом административные единицы позволили контролировать всех вновь обращенных и напоминать им о данных обетах, а также оказывать влияние на каждый момент их жизни. Первые общества методистов были организованы Д. Уэсли вместе с Д. Уайтфилдом в Бристоле, а после Уэсли организовал их в Лондоне [3, с. 47].

Д. Уэсли принадлежит создание в методистском движении института проповедников, которых он посылал на служение, напутствуя словами: «Идите всегда не к тем, кто нуждается в вас, а к тем, кто больше всего нуждается в вас» [4, с. 92].

После отказа англиканских епископов посвящать в священнический сан приверженцев методистского движения Уэсли начал посвящать собственных проповедников. Уэсли, сам приверженец строгой дисциплины, установил строгий порядок для проповедующих, которыми могли стать простые миряне как мужского, так и женского пола: проповедник обязан был вставать в 4 утра и читать проповедь каждое утро и каждый вечер, не должен был чураться никаких работ, вести журнал своей деятельности, уделять внимание детям и их образованию, не позволять себе бессмысленно тратить время в легкомысленных развлечениях, расточительстве и пьянстве и многое другое для осуществления на личном опыте начал христианской нравственности и помощи в этом всем христианам. И самым главным обязательством была приверженность Церкви: «Можем ли мы доверять проповедовать человеку, – писал он в одном из своих писем, – если не уверены в его приверженности Церкви?» [11, с. 1]. В 1793 г. в методизме было полностью уничтожено различие между посвященными и не посвященными в сан проповедниками. Тем самым не посвященные в сан странствующие проповедники (*travelling preachers*), т.е. миссионеры, характерные для методизма, были приравнены к получившим посвящение в сан внутри англиканской церкви. Вместе с тем странствующие проповедники обрели монопольное право проповедовать во всем «*circuit*» (округе), и им одним разрешалось предлагать святые дары [1, с. 303].

Движение методистов оказало положительное влияние на личную духовную и молитвенную жизнь людей, жизнь церкви, культуру, нравственность и социальные устои английского общества XVIII в. Основным

объектом воздействия для проповедников методизма стали низшие слои, лишенные возможности посещать церковь и загнанные в тяготы безрадостного существования, однако немало последователей методизм собрал и среди средних слоев – предпринимателей, которым новое движение (благодаря идее искупительного значения добрых дел, филантропии и взаимопомощи) помогло достичь равновесия между жесткими, а порой и жестокими условиями ведения бизнеса и христианской моралью. Благодаря умелой организаторской работе первых методистов движение распространилось не только по всей территории Англии, но и достигло позднее американских берегов, во многом определив дальнейшее социальное и культурное развитие Англии, Америки и других стран.

Библиографический список

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. (Приложение: очерк «Протестантские секты и дух капитализма»). М., 1990.
2. Орлов С.М. Социальная сущность и эволюция методизма. М., 1975.
3. Савченко П.Д. Методистская церковь // Братский вестник. 1984. № 3.
4. Савченко П.Д. Сравнительное богословие. Бишоффен (ФРГ), 1993.
5. Тревельян Дж.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2005.
6. Bangs Nathan. A History of the Methodist Episcopal Church. Vol. I. N.Y., 1839.
7. Jackson T. The Sermons of John Wesley. L., 1872.
8. Kent John. Wesley and the Wesleyans. Religion in Eighteenth-Century Britain. Cambridge, 2004.
9. Telford J. The life of Rev. Charles Wesley. L., 1900.
10. Wesley J., Wesley C. Hymns and sacred poems. Bristol, 1743.
11. Wesley J. Letters. 1751.

И.Г. Жиряков

К вопросу о терминологии событий марта–апреля 1938 года в истории Австрийского государства

В данной статье анализируются понятия «аншлюс», «аннексия», «оккупация» в контексте событий марта–апреля 1938 года в Австрии, при насильственном присоединении Австрийского государства к фашистской Германии.

Ключевые слова: аншлюс, аннексия, оккупация, международное социалистическое движение, социал-демократия, референдум, суверенитет.

11 марта 1938 г. в два часа ночи Гитлер подписал директиву № 1 верховному командованию вермахта о вторжении в Австрию. В ней говорилось: «Я намерен... осуществить вторжение в Австрию вооруженными силами, чтобы установить там конституционные порядки и пресечь дальнейшие акты насилия над настроенным в пользу Германии населением».

На рассвете 12 марта 1938 г. германские войска вторглись на территорию Австрии. Это было осуществлено силами 8-й армии и танкового корпуса Гудериана; они заняли стратегические пункты и города Австрии, нигде не встретив сопротивления.

13 марта президент Первой Австрийской Республики Миклас передал свои полномочия Зейсс-Инкварту, и тот сразу подписал конституционный закон об аншлюсе. «Австрия является землей Германского рейха», – так звучала его ключевая фраза.

На 10 апреля 1938 г. Гитлером был назначен референдум «О присоединении Австрии к Германии». Голосование проходило в обеих странах. В результате на референдуме за уже состоявшееся и де-юре, и де-факто присоединение Австрии к гитлеровскому рейху в Германии проголосовали 99,08%, в Австрии – 99,75% участников плебисцита [7, с. 71]. Так закончилась история Первой Австрийской Республики.

Об упомянутых событиях написано немало монографических исследований и статей как в нашей стране, так и за рубежом. Один перечень этих работ занял бы много места. В данной статье речь пойдет о терминологии событий марта–апреля 1938 г. в истории Австрийского государства.

Известно, что в исторической, историко-правовой и политической литературе рассматриваемые события уже давно характеризуются как «*аншлюс*» (нем. *Anschluss* – *присоединение*). Некоторые историки предлагают

эти события называть «аннексией» (от лат. *annexio* – присоединение) – **насильственным** присоединением территории другого государства [9]. Аннексия по сегодняшнему международному праву рассматривается как один из видов агрессии, нарушение международных правовых норм и влечет за собой международно-правовую ответственность. Устав и другие документы ООН запрещают аннексию и призывают государства разрешать спорные вопросы мирными средствами, уважать принцип равноправия и самоопределения народов.

Известный отечественный исследователь истории Австрии и Германии А.А. Ахтамзян пишет, что и с международно-правовой, и с исторической точек зрения то, что Гитлер сделал с Австрией в марте 1938 г., было не аншлюсом, а аннексией [1, с. 84]. Этот вывод, полагает он, соответствует принципам общедемократического правосознания и международно-правовому определению аннексии как присоединения малой или слабой народности к большому или сильному государству без ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности. Нацистский рейх совершил аннексию суверенного Австрийского государства, готовясь к новым агрессивным действиям и развязыванию войны за мировое господство.

Профессор А.А. Ахтамзян справедливо отмечает, что аннексия Австрии нацистской Германией в марте 1938 г. была первым прямым актом агрессии фашизма на Европейском континенте – это был важный шаг к развязыванию фашистскими государствами второй мировой войны [Там же, с. 72]. Настало время, считал А.А. Ахтамзян еще в 1988 г., окончательно ввести в литературу это определение, поскольку именно оно точно раскрывает существо этой агрессивной акции германского фашизма.

Некоторые австрийские историки согласны с мнением А.А. Ахтамзяна. К этому числу надо отнести Н. Шаусбергера, исследовавшего на основе архивных источников различные аспекты данной проблематики, в частности, социально-политические, экономические, а также военно-стратегические причины и следствия аннексии Австрии [13].

Признавая безусловное право на использование термина «аннексия» при характеристике событий марта 1938 года в Австрии, все же нужно заметить, что этот термин раскрывает существо конкретной агрессивной акции германского фашизма, но уводит исследователя от оценки деятельности властей, элиты, населения Австрии в рассматриваемое время.

Определенная часть историков и юристов, не утруждая себя требовательностью к использованию адекватных терминов, характеризует события в марте 1938 г. как оккупацию Австрии Германией. *Оккупация* (от лат. *occupatio* – захват, занятие) – занятие вооруженными силами

государства не принадлежащей ему территории, которое не сопровождается обретением суверенитета над ней.

Режим оккупации закреплен в Гаагских (1899 и 1907) и Женевских (1949) конвенциях о законах и обычаях войны. В настоящее время нет консенсуса в определении исчерпывающего перечня значимых критериев, по которым можно было бы однозначно определить соответствие конкретного случая понятию оккупации. Как правило, специалисты отмечают следующее. 1. Временность миссии, непостоянный статус. При этом рамки временности, четкие критерии ее отличия от постоянности в определениях не задаются. 2. Обязательное наличие государства-жертвы, администрации оккупируемой территории. 3. Обязательное нахождение в состоянии войны де-юре или де-факто, насильственный характер вторжения вооруженных сил оккупирующей стороны.

В то же время специалисты подразделяют оккупацию на военную и послевоенную, отмечая особенность условий пребывания армии оккупирующей страны в каждом случае. Кроме того, зарубежные источники усматривают два вида оккупации – неприятельскую (вражескую) и невраждебную, либо не упоминают о конфликте сторон вовсе, а СБСЕ выделяет оккупацию в условиях невоенного времени.

Таким образом, оккупацию следует отличать от аннексии – акта присоединения государством всей или части чужой территории в одностороннем порядке. Тем не менее, использование понятия «оккупация» при рассмотрении действий германских войск 11–12 марта 1938 г. в определенном контексте вполне допустимо.

Возвращаясь к термину «аншлюс», необходимо подчеркнуть, что его использование требует рассмотрения действий как немецкой стороны, так и австрийской. В немецкой историографии этот термин чаще всего употребляется там, где имеется в виду движение в Австрии за присоединение к Германии. В российской исторической литературе, как, впрочем, и в значительной части австрийских публикаций, под термином «аншлюс» понимается насильственное включение Австрии в состав рейха 13 марта 1938 г.

Однако нельзя забывать, что аншлюс означает не только конкретные события 11–12 марта 1938 г., но и политику присоединения (подчеркнем – ненасильственного) Австрии к Германии, проводившуюся последней после первой мировой войны. Проблема аншлюса появилась сразу после окончания этой войны. Многим в Австрии тогда казалось, что появление независимой Австрийской Республики не спасет небольшой австрийский народ от огромных экономических и политических трудностей. Поэтому свое будущее они видели в составе новой Немецкой

Республики. Особенно активно выступали за аншлюс австрийские социал-демократы и их лидер Бауэр.

В своих действиях австрийские социал-демократы рассчитывали на поддержку международного социалистического движения [6, с. 42]. В послевоенном международном социалистическом движении аншлюс рассматривался как право немецко-австрийского народа на самоопределение. На Амстердамской конференции (26–29 апреля 1919 г.) в одной из резолюций подчеркивалось со ссылкой на 14 пунктов ноты Вильсона, что население Немецкой Австрии вправе само решать свое будущее, в том числе и путем аншлюса [9, с. 807]. Амстердамская конференция социал-демократов продемонстрировала солидарность международного социалистического движения с борьбой социал-демократии Австрии и Германии за аншлюс.

Руководители держав Антанты, однако, не вняли требованиям социалистического сообщества и официально запретили осуществление аншлюса. Статья 80 Версальского мирного договора обязывала Германию признать независимость Австрии. Противопоставить этому решению социал-демократические партии ничего не смогли.

Таким образом, попытки социал-демократов Австрии добиться разрешения своих проблем на принципах права наций на самоопределение путем «социалистического аншлюса» окончились неудачей. Однако на протяжении 20-х годов XX века проблема аншлюса оставалась одной из основных в политике австрийской социал-демократии.

Ситуация резко изменилась после прихода к власти фашистов в Германии. Еще в 1924 г. Адольф Гитлер в своей книге «Майн кампф» признался, что объединение Австрии с Германией является его жизненной задачей, которую надо осуществить любыми возможными средствами [6, с. 59]. «Немецкая Австрия» должна, по мнению Гитлера, вновь вернуться в лоно великой немецкой родины.

Понятие «аншлюс» применяли немецкие националисты и нацистские главарь как обозначение «естественного» присоединения австрийцев к рейху, «единения» и даже «воссоединения немцев». «Единая кровь должна быть в едином рейхе» [13, с. 219]. Но дело не только в национальных и расовых мотивах. Большую роль играли весьма реальные экономические соображения и стремления нацистов, которые в своей программе форсированной подготовки к войне за мировое господство рассматривали Австрию как существенный резерв для получения рабочей силы, необходимого сырья, особенно железной руды, нефти, пополнения своих валютных запасов. Германские эксперты рассчитывали получить дополнительно продовольствие для 5–6 млн. немцев при условии, что из

Австрии будет выселен 1 млн., а из захваченной Чехии – 2 млн. жителей [3, с. 31].

Для австрийцев, начиная с 1933 г., проблема присоединения заключалась в присоединении именно к нацистской Германии. В октябре 1933 г. социал-демократы сняли пункт об аншлюсе из своей программы.

Что касается правых сил, то они пытались оговорить условия будущего вхождения в Германию, которые бы не дали стране полностью раствориться в германском рейхе. Но Гитлеру союзники были не нужны. Когда это стало ясно, австрийское правительство стало предпринимать попытки обеспечить поддержку со стороны европейских государств перед лицом нарастающей угрозы превращения Австрии в провинцию третьего рейха. Но эти попытки были явно не последовательными. Практически в каждом австрийском исследовании, посвященном тому времени, предпринимаются попытки переложить ответственность на Лигу Наций, ведущие европейские страны. Немало критических слов адресуется и СССР.

Подвергая критическому рассмотрению позиции последнего по международным проблемам, австрийский посланник в Москве писал: «... Официальная внешнеполитическая концепция, дипломатическая позиция Москвы все более отдаляется от мира реальной действительности. Если эту официальную политику принять в расчет, то Советский Союз предстанет как человек, который машет носовым платком вслед стремительно уносящемуся скорому поезду. И все-таки пока не видно поворота, благодаря которому Москва вновь встала бы твердой ногой на реальную почву. Картина второстепенности официальной и государственной внешней политики еще более усиливается, если принять во внимание намного более серьезную активность мирового большевизма» [1, с. 76].

Факты неумолимо свидетельствуют, что сама австрийская дипломатия накануне захвата страны Германией играла роль далеко не последовательного защитника национальных интересов. Менее чем за два года до аншлюса, 11 июля 1936 г., было подписано «Дружественное соглашение» между Германией и Австрией, в котором подтверждалось, что «вопрос об австрийском национал-социализме» есть внутреннее дело Австрии и Германия не окажет на него влияния ни прямо, ни косвенно. В обмен на это заявление австрийское правительство обязалось, что оно «в своей общей политике, и особенно в отношении Германской империи, будет придерживаться той принципиальной линии, которая соответствует факту, что Австрия признает себя немецким государством» [12, с. 60].

Таким образом, можно заключить, что для значительной части австрийского населения аншлюс с Германией был «желательным аншлюсом».

Весной 1938 г. подавляющее большинство австрийцев вполне искренне радовалось обретению долгожданной «исторической родины». Их слишком долго убеждали в том, что Австрия нежизнеспособна и сама не в состоянии обрести достойное место в современном мире. Их привлекали экономический подъем и преодоление безработицы в новой Германии, динамизм ее внешней политики, расцвет национальной культуры. Новая власть открывала перед страной перспективу выхода из стагнации и радикальных изменений, давала шанс расправиться с подлинными и мнимыми врагами. Неизжитый антисемитизм, страх перед «заговором красных», чувство превосходства над славянскими соседями – все это делало австрийского обывателя весьма ценным приобретением для нацистского режима.

Бывший кронпринц Австро-Венгерской монархии Отто фон Габсбург позднее отмечал, что «и психологически, и политически все подталкивало Австрию к союзу с сильной Германией – уже просто потому, что никто не верил в способность Австрии выжить в государственном отношении. У страны были отобраны все ресурсы. Взаимовыгодное сотрудничество частей страны, их взаимодействие, которое налаживалось веками, коммуникации, капиталовложения правительства, – все пошло прахом. Осталась громадная Вена, пребывавшая как на острове среди оставленной нам жалкой территории. Изоляция и унижение австрийцев как раз и открыли дорогу Гитлеру» [5].

Так или иначе, после 12 марта 1938 г. Австрия на несколько лет исчезла с политической карты Европы как самостоятельное государство; австрийцы во многом сами похоронили собственную независимость.

Можно говорить о двойном аншлюсе, произошедшем в марте 1938 г. Один – насильственный, другой – «желательный». С одной стороны, несомненно, сыграло роль давление могущественного соседа, с другой – национал-социалистическое движение в самой Австрии было достаточно сильно, а основная часть австрийцев хотела объединения.

10 апреля 1938 г. Гитлером, как уже отмечалось, был назначен референдум «О присоединении Австрии к Германии».

Нацистское руководство не жалело усилий и средств для того, чтобы достойно подготовить «семейный праздник». В Вену каждый день прибывали поезда с продовольствием из Германии, австрийских детей отправляли в лучшие немецкие санатории. В кратчайшие сроки на всей территории Австрии было налажено радиовещание из Берлина, оттуда же привезли 20 тыс. приемников для организации коллективного прослушивания радиопередач. 26 марта Геринг провозгласил масштабную программу экономической помощи Австрии. Замаскированной частью стал

обмен валюты: получив за три шиллинга две немецкие марки, австрийцы явно остались не в накладе.

В агитацию за аншлюс включились даже бывшие противники нацистского режима, и среди них первый канцлер республики социал-демократ К. Реннер, а также епископат католической церкви. Ведомство Геббельса издало особую инструкцию о проведении референдума: с раннего утра население следовало будоражить выступлениями оркестров и уличными маршами, чиновников обязывали проголосовать одними из первых, предусматривалась раздача специальных значков для людей, вышедших с избирательных участков: с трех часов всем неголосовавшим должны были делаться с интервалом в полчаса устные напоминания. Австрийские епископы, и прежде всех кардинал Инницер, сказали «да» аншлюсу – так же, как и социал-демократ Реннер. Декларация епископов, подписанная словами «Хайль Гитлер!», побудила к выходу из церкви приблизительно 100 тыс. австрийцев (мотивом могло, впрочем, послужить и стремление приспособиться к далекому от религии национал-социализму).

Голосование подтвердило печальный факт, что подавляющее большинство австрийцев без всякого нажима принесло свою страну в жертву нацистскому рейху. Гитлера повсеместно встречали нацистскими флагами и нацистским приветствием – и в столице, и в провинции. Об этом писали отнюдь не только германские газеты, но и западноевропейская пресса. Тысячи людей забрасывали цветами танки со свастикой, ползущие по горным дорогам. Трудно предположить, что «всенародное ликование» было организовано исключительно силой оружия или, как говорят сегодня, с помощью административного ресурса.

«После 1945 г. аншлюс охотно представляли как акт насилия со стороны национал-социализма против Австрии – его жертвы, – пишет австрийский исследователь К. Воцелка. – Московская Декларация союзников 1943 г. указывает на эту роль («Австрия – первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии»). Однако никоим образом нельзя скрыть тот факт, что большая часть австрийского населения хотела аншлюса и приветствовала его» [2, с. 379].

Библиографический список

1. Ахтамзян А.А. Аннексия Австрии рейхом // Вопросы истории. 1988. № 9.
2. Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика / Пер. с нем. М., 2007.
3. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. М., 1981.
4. Кретинин С.В. Проблемы присоединения (аншлюса) Австрии и судетско-немецких областей Германии на конференциях международной социал-

- демократии в феврале–августе 1919 года // Германия и Россия: События, образы, люди. Вып. 3. Воронеж, 2000.
5. Крис Цвинич. Похищение Центральной Европы // Вестник. 1997. № 24 (178). 11 ноября.
  6. Наумов А.О. Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы // Новая и новейшая история. 2006. № 6.
  7. Юридический словарь. М., 2006.
  8. Das neue Osterreich. Graz–Wien–Köln, 1975.
  9. Die II Internationale 1918/1919. Protokolle, Memoranden, Berichte und Korrespondenz. Bd. II. Berlin, Bonn, 1980.
  10. Dusek P., Pelinka A., Weinzierl E. Zeitgeschichte im Auftrieb, Osterreich von 1918 bis in die achtziger Jahre. Wien, 1981.
  11. Osterreich 1918–1938. Graz–Wien–Köln, 1983.
  12. Red-White-Red-Book, Justice for Austria. Vienna, 1947.
  13. Schausberger N. Der Griff nach Osterreich. Wien, 1979.

Ю.В. Иванишкина

Теоретические основы исламской политической субкультуры

Статья посвящена исследованию вопросов влияния религиозных факторов на формирование исламской политической субкультуры. Раскрыты исторические корни и базисные положения исламской общественно-политической доктрины. Особое внимание уделено политическим теориям крупнейших исламских теологов XX в. и проблемам интеграции мусульман в современную политическую систему.

Ключевые слова: политическая культура, ислам, субкультура, теоретические основы, интеграция, совещательность, демократия, политические партии, политическая система, политические теории, исламская теология, халифат, джамаат, шариат.

Современная политическая культура российского общества представляет собой самостоятельный и достаточно сложный феномен общественной жизни, который вмещает в себя целый ряд достаточно разнородных субкультур. Одним из аспектов, определяющих данный процесс, является возрастание роли иррациональных факторов, влияющих на политическую культуру граждан.

Согласно социологическим опросам, подавляющее большинство россиян причисляют себя к верующим, в связи с современными демографическими процессами численность мусульман среди верующих России со временем будет лишь возрастать. Из двух основных конфессий России – православия и ислама – именно последний, в силу своих сущностных особенностей, всегда оказывал значительно большее влияние на политическое сознание своих последователей.

В регионах, где большинство жителей исповедуют ислам, который является основой мировоззрения населения, современные политические

институты, по сути, действуют в условиях общества, не прошедшего секуляризации, что крайне осложняет и так непростую политическую обстановку. Таким образом, политическую ситуацию в России прошлого, настоящего и будущего невозможно понять без учета исламского фактора.

При этом в отечественной политологии слабо разработаны именно религиозные основы исламской политической субкультуры. Ислам в целом является крайне сложным интернациональным феноменом, поэтому в данной статье рассмотрены лишь базисные положения исламской общественно-политической доктрины, которые должны объединять всех мусульман, независимо от места их проживания и национальности.

Политическую социализацию мусульман осложняет проблема допустимости их участия в неисламской политической системе, возможная степень интегрированности в нее и цели данного участия с точки зрения традиционной исламской концепции. Политическую ситуацию в современном мире невозможно понять без знания основ своеобразия исламской политической культуры, которая обладает рядом специфических черт.

В обществе широко распространена точка зрения об однозначном тоталитаризме политического ислама и полном отсутствии в нем демократических начал [4, с. 6]. Действительно, основная совокупность общественно-политических норм и ценностей однозначно определена Кораном и Сунной. Но, по мнению большинства мусульманских мыслителей, например, известного иранского политического идеолога Али Шариати, у мусульман присутствует право на обсуждение и интерпретацию проблем, которые еще не разработаны в классической исламской теологии [22, с. 84–86].

К подобным вопросам относится и проблема участия мусульман в общественно-политической жизни немусульманской страны. Для ее решения, следуя исламским догмам, должен применяться принцип совещательности и компромисса (аш-шура) – один из основных в исламе [15]. В Коране неоднократно говорится, что мусульмане не должны принимать решения по любым проблемам без консультаций с единоверцами [11]. Интересно, что данный принцип распространяется и на руководителей государства, независимо от их политического статуса. Внешние формы реализации власти, соответствующей исламским принципам (республика, монархия, смешанная форма правления, разделение властей), не имеют принципиального значения [9].

К обязанностям образованного мусульманина, знающего о заблуждениях правителя, относится оказание ему консультаций, проводимых конфиденциально, «с глазу на глаз», чтобы не допустить смуты среди мусульман [12, с. 266–269]. Данный принцип основан на примере

пророка Мухаммеда, который советовался с последователями и принимал мнение большинства, даже если оно противоречило его точке зрения. Таким образом, следуя исламской доктрине, мусульманин не должен выступать против большинства единоверцев – для сохранения согласия и единства в умме (общине), которая включает в себя всех мусульман, независимо от их религиозных разногласий: суннитов, шиитов и даже сектантов [14, с. 45].

Значение общественной жизни для мусульманина подчеркивается в Коране: «Тот, кто умер, не зная своего имама (халифа), умер как язычник. Тот, кто отделяет себя от мусульманской общины, которая должна быть едина и неделима, попадет в ад» [11].

Отпадение от уммы (общины) является одним из самых серьезных преступлений против исламской морали. «Будьте вместе, потому что рука Аллаха – с общиной, и кто отклонится, тот попадет в огонь» [Там же]. Данный постулат не способствует демократизации исламского социума в современном понимании этого понятия и воспитанию личной ответственности за события, происходящие в обществе.

Несмотря на желательность консультаций, за правителем оставлено право на единоличное принятие решения по спорным вопросам, с которым мусульмане обязаны согласиться [12, с. 209]. Благодаря данной оговорке, принцип совещательности, широко применявшийся в эпоху раннего ислама, в наше время часто остается лишь декларацией, не имеющей должного распространения [13, с. 50].

В Коране по данному поводу сказано: «О те, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь Посланнику, и повинуйтесь обладающим влиянием среди вас! ... Кто повинуется правителю, тот словно повинуется мне, а кто ослушался, словно ослушался меня» [11].

Таким образом, исламская концепция приветствует совещательное участие мусульман в принятии решений по общественно-политическим вопросам на стадии их обсуждения и запрещает их критику после утверждения.

Организация мусульманами политического сопротивления и неповиновение власти допускаются исключительно в случае выступления власти против принципов ислама [2, с. 309–311]. Данное положение можно трактовать достаточно широко, что и происходит повсеместно в исламском мире. В определенной степени исламская доктрина о возможности неповиновения лишь богоборческим властям соприкасается с подобным христианским принципом, что практически исключает верующих двух крупнейших конфессий России из числа полноправных участников демократического процесса.

В большинстве языков мусульманских народов отсутствует понятие «гражданин», но и в исламской традиции присутствовал опыт реализации активистской политической культуры. Одним из наиболее ярких примеров исламской демократии являются северокавказские джамааты (самоуправляющиеся общины), представлявшие собой самостоятельные города-государства с общей системой оборонительных сооружений. В джамаатах существовало классовое равенство, а все вопросы решались на общих собраниях всеми мужчинами джамаата [10].

Значительно сложнее обстоит дело с участием мусульман в неисламской политической системе. На сегодняшний день большинство представителей современной исламской мысли, проживающих в немусульманских странах, считают разрешенным, а часто и необходимым, создание исламских партий в этих странах.

Проблема деятельности исламских партий в немусульманской стране обсуждалась многими влиятельными богословами и была решена, основываясь на принципе вышеупомянутого совета (аш-Шуры), в соответствии с которым, если в интересах защиты ислама требуется, чтобы совет (аш-Шура) реализовывался в форме, соответствующей современным историческим условиям (например, парламентской демократии), то ислам считает это допустимым. Возможность подобной политической практики обоснована одним из принципов шариата, утверждающим необходимость устранения большего зла (политического бесправия мусульман) меньшим – здесь возможно провести некоторые параллели с участием большевиков в работе Государственной Думы [17].

Следовательно, участие мусульман в политической жизни трактуется как вынужденное средство, направленное на борьбу с исламофобией и аутсайдерским положением мусульман, живущих вне оптимального варианта исламского государства. Примечательно, что в исламском Средневековье само понятие «исламское государство» отсутствовало, так как других вариантов организации государства не предусматривалось [18, с. 3–4].

Принцип обязательности самозащиты мусульман вновь основан на словах пророка Мухаммеда: «Поистине ваша кровь, ваше имущество, ваша честь неприкосновенны (харам), как является неприкосновенным этот ваш день в этом вашем месяце в этом вашем городе» [12, с. 67–70].

По мысли журналиста И. Салеха, в условиях господства антиисламских настроений мусульмане должны противопоставить им «объединенную, организованную и конструктивную политическую активность» [17]. Политическое объединение мусульман должно, в первую очередь, служить распространению ислама, сформулировать конкретный исламский

ответ на все проблемы современного общества, содействовать выполнению мусульманами обязанности служить моральным примером для христиан и иудеев, являющихся «покровительствуемым».

«Пусть среди вас будет группа людей, которые будут призывать к добру, повелевать одобряемое и запрещать предосудительное. Именно они окажутся преуспевшими» [11].

Исламские теологи разработали целый ряд охранительных принципов участия мусульман в политической жизни. Следуя принципу приоритетности единства уммы (общины), исламские богословы считают недопустимым создание в одной немусульманской стране нескольких исламских политических партий, чтобы не допустить раскола между мусульманами по политическому признаку. Случаи заимствования какого-либо нового элемента из западной политической теории и практики должны быть строго избирательны и не противоречить исламским принципам. В обратном случае нововведения могут быть оценены как «бида» – нововведение, ведущее к отдалению от ислама.

Также, следуя принципу единства уммы, каждая исламская партия должна стремиться к установлению тесных связей со всеми мусульманами мира для налаживания тесного сотрудничества и взаимопомощи. Исламские партии уже созданы в Британии, Франции и Бельгии. Исламская партия Великобритании была учреждена в 1989 году с целью инициировать общественные дискуссии о мусульманской альтернативе. В США действует целый ряд крупных и влиятельных исламских организаций – это Совет по американо-исламским отношениям (CAIR), Мусульманский совет по общественным делам (MPAC) и Американо-исламский конгресс (AIC). В России 1990-х гг. действовали сразу несколько исламских политических партий, отсутствие которых на современной политической арене можно связать с общим партийным затишьем, общественной исламофобией и запретом на создание политических объединений под религиозными названиями [17].

По словам старшего научного сотрудника Центра изучения демократии при Вестминстерском университете Абд уль-Ваххаба Аффенди, «... современная демократическая система, в рамках которой немусульмане равны в правах с мусульманами, является для исламской уммы вполне приемлемой на сегодняшний день. Однако при этом надо стремиться к тому, чтобы не было никаких препятствий на пути достижения идеала – подлинно исламской политической системы» [1].

Таким образом, участие мусульман в политических системах неисламских государств расценивается мусульманскими идеологами скорее как мера, преследующая временные и конкретные цели, стоящие перед

мусульманами на данном историческом этапе. Воплощением вечно-го политического идеала как т.н. «традиционного», так и «фундаменталистского» ислама является установление шариатского государства, оптимальное устройство которого широко обсуждается во всем исламском мире.

Начиная с 70-х гг. XX в. произошла политическая активизация исламских теологов, которые, продолжая исламские богословские традиции, занялись идеологическим обоснованием современных теорий исламских государств. Существуют различные теоретические и практические модели исламского государства – ниже рассмотрены самые распространенные точки зрения на экономическое, юридическое и территориальное устройство шариатского государства, – развивающие традиционные положения исламской доктрины и разделяемые большинством мусульман [16].

Один из идеологов Исламской революции иранский мыслитель Али Шариати, испытав определенное влияние марксизма, начал пропагандировать идеи чисто исламской экономики как наилучшего, срединного пути между социализмом и капитализмом, чьи недостатки жители стран «третьего мира» имели возможность проанализировать, находясь вне обеих систем.

Специфический фундамент исламской экономики – это принципы классового мира и взаимопомощи между всеми мусульманами, рибы (беспроцентной ссуды) и закята (налога в помощь бедным), – которые призваны сдерживать социальную напряженность. Они доказали свою эффективность на протяжении веков. Действительно, социальные конфликты в исламском мире всегда протекали с меньшей остротой, чем в христианском, в чем сыграли определенную роль как данные принципы, так и традиционно сильные институты семьи и общины, до сих пор в значительной степени выполняющие функции социальной защиты слабых [3, с. 16–17, 39]. По мнению Аль-Шариати, ислам – идеология, защищающая всех обездоленных, выступающих под руководством «осведомленной» личности» [7]. Пакистанский идеолог исламского государства Маудуди Абу Аля разрабатывал схожие теории исламской государственности, которая, по его мнению, должна спускаться сверху и жестко контролироваться государством. Маудуди выступал против любого сотрудничества между мусульманским государством и «джахилией», т.е. неисламским миром.

Что касается политического устройства идеального исламского общества, его организация в форме халифата (исламского государства) является отнюдь не единственной моделью, широко обсуждаемой в мусульманской среде [15, с. 3–4].

Следуя другой теории, в зависимости от исторических условий мусульмане должны либо строить исламское государство, либо организовать в сети самоуправляющихся джамаатов (исламских общин), по отношению к которым Мединская община (никогда не являвшаяся государством) являет собой идеальную модель. На этот образец уже сейчас ориентируются джамааты мусульман, существующие в западных странах – Великобритании, Франции, Германии, которые стремятся к тому, чтобы стать самостоятельными политическими субъектами [8].

В России одним из наиболее известных сторонников теории джамаатов является радикальный исламский мыслитель и политолог Гейдар Джемаль. Он выступает за возвращение к исторической практике джамаатов, внутренняя жизнь которых целиком основывалась на фикхе – исламской правовой науке.

Необходимо заметить, что многие из политических концепций Гейдара Джемалья не разделяются большинством российских мусульман. Джемаль озвучил и собственный проект «исламского интернационала». Он полагает, что с ваххабитов Северного Кавказа начнет распространение по миру будущая исламская революция, к которой должны присоединиться все пассионарные силы мира, выступающие против капитализма и либеральных ценностей бездуховной западной цивилизации [5, с. 7–8].

Здесь Джемаль размышляет в русле мусульманского международного права, в соответствии с которым государство, не принимающее идею единого Бога (к данной категории можно при желании отнести любое светское государство), не имеет права претендовать на равенство с другими странами.

Общепринятое исламское представление о делении мира по-прежнему зиждется на традиционной типологии: «Дар аль-ислам» (мир ислама), «Дар аль-Харб» (мир войны против ислама) и «Дар аль-Агд» (мир договора).

«Дар аль-ислам» – страны с исламской формой правления, которые должен считать родиной любой мусульманин; защита всех исламских государств является прямой обязанностью каждого мусульманина.

«Дар аль-Харб» – мир войны против ислама, в котором мусульмане не могут свободно исповедовать ислам: между населением страны и мусульманами не существует договора, определяющего их отношения и подтверждающего обязательство власти защищать мусульман.

«Дар аль-Агд» – мир договора, т.е. территория, над которой мусульмане не установили свой контроль, но с немусульманскими сообществами заключен договор о взаимоотношениях. Христиане и иудеи в данной ситуации становятся «покровительствуемыми», находящимися под защитой мусульман [19, с. 3, 184]. Крупнейший иранский теолог Рашид

аль-Ганнуши, с которым согласны большинство современных богословов, пишет, что немусульмане, имеющие статус «покровительствуемых», могут быть равноправными членами общества, но не должны иметь права занимать ключевые посты в правительстве и армии [21, с. 38, 40]. В идеале именно принадлежность к исламу должна давать человеку право участвовать в формировании политики.

В области законодательства исламское сознание абсолютно архаично: путем экстраполяции собственной правовой традиции исламские юристы полагают, что источником закона для христиан должна быть Библия, для иудеев – заповеди Торы [19]. Таким образом, допускается одновременное сосуществование нескольких автономных судебных систем, основанных на принципах авраамических религий.

Безусловно, исламская культура оказывает прямое или опосредованное воздействие на общественно-политическую позицию всех мусульман. Но, вопреки распространенному мнению, в исламской культуре значимое место занимают и такие общечеловеческие ценности, как совещательность, компромисс и консенсус, присутствуют определенные демократические традиции, но в целом исламское общественно-политическое наследие отличается глубочайшим своеобразием.

Основой исламской политической культуры является идея правящего Бога, которая, следуя представлениям мусульман, может быть реализована только через установление системы шариата. Превосходство мусульманского права подтверждено в Этическом кодексе Исламской конференции, Исламском информационном кодексе этики 1991 г., Дакарской декларации 1991 г. [20].

Таким образом, в сознании значительной части российских мусульман современная политико-правовая система России не является в полной мере легитимной, поскольку не соответствует требованиям шариата и, следовательно, понимается как вторичная по отношению к исламской модели организации социума. Действительно, полная практическая реализация общественных и политических принципов ислама невозможна без официального введения шариата. Дальнейшее игнорирование шариатской проблемы может привести к тому, что этот политико-идеологический инструмент религиозного влияния будет целиком узурпирован исламскими радикалами, что приведет лишь к дальнейшему росту экстремизма и сепаратизма.

С другой стороны, существующие в сегодняшней России политическая и правовая системы не в состоянии учитывать особенности общественного мировоззрения мусульман, т.к. исламские ценности несовместимы с основополагающими принципами современной демократии.

Необходимо признать, что в современном мире действует отдельная исламская политическая субкультура, которая строит свои теоретические основания на религиозных предписаниях, национальных обычаях и поддерживается трудами современных исламских теологов. Наличие подобной массовой политической субкультуры существенно затрудняет демократическую модернизацию и консолидацию общества. Глубокое противоречие между целями модернизации и вектором политической культуры значительной части ее граждан является серьезной проблемой, от решения которой зависит будущее страны.

Библиографический список

1. Абд уль-Ваххаб Аффенди. Исламская политическая мысль и концепция гражданства // islam.ru/pressclub/analitika/citizen.
2. Бартольд В.В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 2002.
3. Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. М., 2009.
4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
5. Джемаль Г. Исламский проект: борьба за историю // Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке. М., 2005.
6. Дюверже М. Политические партии. М., 2001.
7. Ежова А. Ислам Али Шариати – единственная ... революционная идеология // Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке. М., 2005.
8. Ежова А. Хизб-ут-тахрир – детская болезнь халифатизма в исламской политике // islam.ru/pressclub/analitika/hitabo.
9. Ефимова Л.М. Особенности политической культуры современного Востока // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006.
10. Кисриев Э. Распространение ислама в Дагестане // kavkaz-uzel.ru/articles/129432/.
11. Коран, переводы и комментарии. Сунна, хадисы Пророка. М., 2006.
12. Кулиев Э. Основы веры в свете Корана и Сунны. М., 2006.
13. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005.
14. Ланд П. Ислам. М., 2003.
15. Маудуди Абу Аля. Ислам сегодня. М., 1992.
16. Примаков Е. Восток после краха колониальной системы. М., 1983.
17. Салех И. Какой быть исламской партии в немусульманской стране? // Исламские партии, движения и группы. 2 том. Дамаск, 2000.
18. Холлидэй Ф. Ислам и Запад: противостояние, религия и политика на Ближнем Востоке. Дар ас-Саха, 1997.
19. Хохлышева О.О. Мусульманское право. Нижний Новгород, 2006.
20. Этический кодекс Исламской конференции // islam.ru/pressclub.
21. Esposito J.L. The Islamic Threat: Myth or Reality. N.Y., 1992.
22. Shariati A. Marxism and Other Western Fallacies: An Islamic Critique. Berkeley, 1980.

Е.В. Мурашева

Политический центр в партийных системах разного типа

В статье рассматривается роль политического центра в разных типах партийных систем, указывается на взаимосвязь между величиной и силой центристских партий и уровнем поляризации системы, что позволяет выявить значимость политического центра в ходе процесса трансформации систем поляризованного плюрализма в системы умеренного плюрализма.

Ключевые слова: партийная система, тип избирательной системы, направление электорального соревнования, идеологическая поляризация, длина политического спектра, проблемное измерение, фрагментация общества.

Партийная жизнь современной России характеризуется абсолютным доминированием центристской партии на политической арене, в связи с чем представляется интересным рассмотреть роль политического центра в разных типах партийных систем.

Т.к. количество политических партий, в первую очередь, зависит от таких факторов, как идеологическая поляризация системы и фрагментация общества, именно они оказывают решающее влияние на форму и возможности центристских партий, то вполне логичным представляется взять для данного исследования предложенную Дж. Сартори классификацию партийных систем, основанную на количественном критерии. Рассмотрим роль политического центра в каждом из выделенных итальянским политологом типов партийных систем.

Однопартийная система относится к несостязательным. Ярчайшими примерами таковой являлись СССР и Албания. Поиски политического центра в подобной ситуации обычно сводятся к анализу течений и фракций внутри единственной правящей партии. Так, А.Л. Андреев говорит, что многопартийность – недостаточный критерий, позволяющий судить о фрагментации общества. Классическим образцом скрытого, неявного центризма был Л.И. Брежнев, а после него – М.С. Горбачев, пытавшийся найти «равнодействующую» между партийными консерваторами и либерально настроенными «обновленцами». Применительно к идейным размежеваниям своего времени центристом был и И.В. Сталин [1, с. 59].

Безоговорочно согласиться с этим утверждением трудно. Ведь даже в системе однопартийного прагматизма (когда партийные лидеры руководствуются не столько партийной идеологией, сколько насущными

потребностями общества) природа фракционного соперничества может быть различной. Занятые борьбой за собственные интересы и выживание, лидеры совершенно не обязаны выражать общественные проблемы и разделения, т.к. фракциям при однопартийной системе не нужна народная поддержка, их легитимность никак не утверждается по причине отсутствия избирательных механизмов. Поэтому переход власти от одной группы лидеров к другой внутри однопартийной системы не обязательно ведет за собой смену политического курса.

Наибольшая же вероятность того, что фракционная борьба в партии будет строиться на основе реальных общественных проблем, возникает в условиях общественных кризисов, когда вся элита партии обеспокоена проблемой выживания своего режима. В этом случае наряду с крайними решениями может существовать и центристская альтернатива. Тогда политический центр внутри партии будет одновременно и политическим центризмом для всей системы. Однако подобное состояние встречается нечасто и не может длиться долго.

Система с партией-гегемоном, в которой партии-сателлиты маскируют реальную власть одной партии, по сути, является лишь разновидностью однопартийной системы. Соответственно, можно сказать, что в несостязательных партийных системах феномен центризма не может быть выражен в полной мере.

Прежде чем перейти к изучению *роли центра в состязательных системах*, необходимо вспомнить, что мажоритарная избирательная система в один тур дискриминирует малые партии [5, с. 279], т.е. существование партий центра, равно как и любых других третьих партий, при мажоритарной системе технически затруднено.

По мнению М. Дюверже, *двухпартийная система* – это наиболее яркое проявление естественного дуализма. Среди стран с таковой большинство авторов называют Великобританию, США, Новую Зеландию, Австралию и Канаду. Тем не менее, во всех случаях, кроме США, достаточно аномалий, т.е. тезис о естественности политического дуализма сомнителен.

Значительность роли центра в двухпартийной системе позволяет понять анализ характера соревнования двух соперничающих партий, сделанный Даунсом и развитый Сартори. Авторы показали, что в двухпартийной системе партии соревнуются за голоса, находящиеся между ними в центре, т.е. центр в данном случае – это некая точка, к которой стремятся обе партии. Они стараются заимствовать идеи и лозунги «соседа», стремясь увлечь избирателей, тяготеющих к «чужому» политическому полю или не уверенных в своих пристрастиях. В противном случае система перестала бы функционировать и сменилась какой-нибудь иной.

Партии соревнуются за центр, т.к. колеблющиеся избиратели умеренны в своих взглядах. В условиях кризиса, когда колеблющиеся избиратели перемещаются на оконечности политического спектра, соревнование за центр не выгодно. Иначе говоря, двухпартийная система «работает» только, когда расстояние между доктринами основных партий невелико. Чем ближе партии друг к другу, тем более гладко функционирование двухпартийности [16, с. 191].

Однако центр существует не только формально в виде некой точки, стягивающей систему, хотя подобное мнение и существует среди исследователей [2, с. 29]. Он представлен и двумя умеренными крыльями основных партий. Если по каким-либо причинам эти партии несколько расходятся, центр сразу проступает в качестве самостоятельного образования. Это убедительно доказывает опыт Великобритании.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. экономические трудности привели к некоторой поляризации программ основных соперников, что освободило место для самостоятельной центристской силы. В 1981 г. был создан Альянс выделившихся из лейбористов социал-демократов с либералами, т.н. «коалиция центра» [11, с. 73, 81]. Позднее, когда основные соперники снова несколько подвинулись к центру, что проявилось, например, в том, что лейбористы в 1987 г. изъяли из своей программы пункты о национализации и заявили о курсе на рыночную экономику, пространство в центре значительно сократилось. Существование в нем двух партий стало сильно затруднено, что привело в 1988 г. к полному объединению части социал-демократов с Либеральной партией в новую Либерально-демократическую партию Великобритании.

До настоящего момента Либерал-демократическая партия играет существенную роль в жизни страны. На последних выборах в мае 2010 г. она получила 8,8% мест в парламенте и 23% голосов избирателей (что всего на 6% меньше результатов лейбористов) и вошла в правительственную коалицию. Однако сами либерал-демократы чувствуют серьезную угрозу своей позиции со стороны сдвинувшихся к центру лейбористов.

Итак, двухпартийная система Великобритании, в которой центр играет определенную роль, скорее, дань мажоритарному типу избирательной системы. Другой классический пример двухпартийности – Соединенные Штаты Америки, чья политическая система несколько проще в виду отсутствия в лишенной феодального прошлого стране таких пережитков прежних расколов, как в Европе. Однако роль центра в этой, казалось бы, жестко двухпартийной системе также очевидна для многих. Достаточно ярко выразил это американский политик К. Роситер: «Неписанные законы американской политики требуют, чтобы различия между партиями были

относительно немногочисленны и невелики; но это не значит, что эта разница должна полностью отсутствовать. Позвольте партиям соревноваться за миллионы американцев, в жизненно важном центре...» [15, с. 111].

Итак, центр для двухпартийной системы – это две части основных соперничающих партий, которые исповедуют центристские, умеренные взгляды. Причем этот центр – отнюдь не искусственное сочетание части левых и правых доктрин, как считал Дюверже. Это именно тенденция центра, которая стягивает всю политическую систему. В случае же расхождения основных соперников в разные стороны, как правило, происходит усиление самостоятельных центристских образований.

Партийную систему со стабильно лидирующей силой называют *системой с доминирующей партией*. Чаще всего в этих случаях одна крупная партия противостоит ряду менее влиятельных сил. В разные периоды к данному типу были наиболее приближены партийные системы Индии, Японии, Ботсваны, Норвегии и Швеции.

В данной ситуации для изучения центра интересно рассуждение Х. Даалдера, предложенное им изначально применительно к двухпартийной системе. Предусматривается возможность определить партию центра как партию, которая опирается на центристски настроенный электорат. В этом случае для двухпартийной системы центристской партией, по определению, будет та, которая завоеует большинство. В этом случае чередующиеся у власти партии по очереди будут являться центристскими. Аналогичным образом Даалдер решает задачу для систем с более чем двумя партиями, в которых есть сила, стабильно набирающая большинство. «Ничего не меняется в данной ситуации по сравнению с предыдущим случаем, – пишет исследователь, – за исключением того, что увеличивается количество нецентристских партий» [12, с. 94]. Конечно, подобное утверждение справедливо лишь для относительно благополучных обществ, в которых колеблющиеся избиратели находятся в центре политического спектра. В кризисной ситуации большинство может с достаточным постоянством голосовать за радикальные альтернативы. Примером этого является постепенный рост влияния Национал-социалистической немецкой рабочей партии в Германии 20–30-х гг. XX в., завершившийся ее приходом к власти в результате победы на выборах 1932 г.

Реалии партийных систем с доминирующей партией вынуждают нас внести также и другие уточнения в рассуждения Даалдера. В большинстве вышеупомянутых стран присутствуют самостоятельные центристские партии. В скандинавских странах доминирующими долгие годы являлись социалисты, но при этом в Норвегии и Швеции, например, существуют

партии с названием центра, возникшие на основе аграрных. Аналогичная ситуация – в Японии, где у власти долгое время единолично находилась консервативная Либерально-демократическая партия: в начале 60-х гг. XX в. там возникли центристские Партия демократического социализма (отделившаяся от вечного оппонента правящих либерал-демократов – Социалистической партии Японии) и связанная с буддистами партия Комэйто. В конце 70-х гг. к ним прибавился Социал-демократический союз [6, с. 427].

Т.е. очевидно, что в системах с доминирующей партией не весь центристски настроенный электорат поддерживает правящую партию. Она аккумулирует электорат одного из флангов и только часть центристского. Остальная часть центристского электората остается за специфическими партиями центра.

Системы с тремя или четырьмя, а иногда и с большим количеством влиятельных партий относятся к *партийным системам умеренного плюрализма*.

Часто внутри партийных систем умеренного плюрализма выделяют трехпартийные системы или, как их еще называют, «двух-с-половиной» партийные системы. Среди стран с «двух-с-половиной» партийной системой можно назвать в разные периоды Германию, Австрию, Грецию и Испанию. На первый взгляд может показаться, что подобная система является наиболее ярким выразителем феномена политического центризма. Данной точки зрения, например, придерживаются С.С. Сулакшин, В.Н. Громов и М.В. Ильин. По мнению последнего, «двух-с-половиной» партийная система создает идеальные условия для развития и эффективного функционирования партии центра [7, с. 31]. Однако подобная точка зрения требует некоторых уточнений.

Рассмотрим механизм действия этой системы на примере ФРГ, а затем и объединенной Германии, где наряду с Социал-демократической партией и христианскими демократами (Христианский демократический союз / Христианский социальный союз) существует еще и Свободно-демократическая партия (СвДП). Действительно, программа Свободных демократов располагалась левее ХДС / ХСС, но правее СДПГ, что позволяло этой партии поочередно формировать различные коалиции. В 1949–1956, 1961–1966, 1982–1998 гг. она состояла в коалиции с ХДС / ХСС; а в 1969–1982 гг. – с социал-демократами [3, с. 75].

Однако по мере стягивания двух основных соперников к центру у Свободных демократов начался кризис идентификации. В итоге идеология СвДП претерпела некоторое смещение от социал-либерализма к экономическому либерализму, т.е. сдвинулась вправо. Ведь ХДС /

ХСС все чаще обращался к неолиберальным лозунгам, а СДПГ полностью приняла курс на рыночную экономику, в итоге определить между ними центр становилось все труднее. Тем более что в последние годы на местном уровне стали появляться правительства «больших коалиций» с участием основных соперников – ХДС / ХСС и СДПГ [10, с. 157]. Эта тенденция получила закрепление в создании федерального правительства «большой коалиции» по результатам выборов 2005 г. без участия СвДП, которая возглавила в Бундестаге оппозицию. Обе силы в электоральном соревновании претендовали на область, которая до этого принадлежала либералам.

Схожие процессы происходят и в австрийской партийной системе, где Австрийская партия свободы, борясь с кризисом идентификации в связи с постоянными большими коалициями социал-демократов и христианских демократов (Австрийской народной партии), под руководством Георга Хайдера сильно сдвинулась вправо, объединяя протестный электорат под националистическими идеями.

Таким образом, мы видим, что в системе «двух-с-половиной» партий при приближении основных соперников друг к другу у «половинной» партии начинается кризис идентификации. В итоге эта партия часто начинает искать свое лицо, либо существенно смещаясь по спектру и даже перепрыгивая через своего в прошлом более правого соседа, либо акцентируя программу по другим проблемным измерениям.

На это явление в конце 70-х гг. обратил внимание Сартори. Он показал в своем исследовании, что *центр – это своего рода функция от длины спектра*, и, если идеологические расхождения между краями спектра недостаточны, то в ходе электорального соревнования трех партий крайние будут стремиться собрать голоса путем приближения к центру, в итоге промежуточная партия трехпартийной системы оказывается сжатой, становясь, таким образом, наименьшей партией» [16, с. 348]. Сартори приходит к выводу, что три партии не создают трехполярной системы, состязательная конфигурация трехпартийной системы остается двухполярной. Действительно, эти «срединные» партии вынуждены вступать в коалиции с одним из основных соперников. Хотя, как показывает практика, на этапе, когда расхождение между основными противниками еще значительно, такая «шарнирная» партия немало способствует стягиванию партийной системы к центру, заставляя смягчать свои программные положения желающую вступить с ней в коалицию крупную партию. Очевидно, что стягивание партийной системы может осуществить не любая третья партия, а только та, чья программа находится в центре политического спектра.

Партийные системы могут трансформироваться одна в другую. С подобным процессом мы имеем дело в современной Германии и Австрии. Трехпартийная система постепенно превращается в многопартийную. На выборах 1998 г. немецкие «зеленые» впервые вступили в коалицию с социал-демократами на государственном уровне. На основной оси, связанной с ролью государства в экономике, «зеленые» располагаются даже чуть левее СДПГ [4, с. 17]. В итоге «красно-зеленая» коалиция противостоит альянсу ХДС / ХСС со Свободными демократами. Подобная ситуация сохранилась и на выборах в сентябре 2002 и 2009 гг. Т.е. при росте центристских настроений соревнование часто превращается в двухблоковое. Конфигурация электорального соревнования в таком случае является биполярной.

В ситуации с более чем пятью значимыми партиями мы имеем дело либо с системой поляризованного плюрализма, либо с *сегментированным плюрализмом, частным случаем умеренного*. При последнем общество фрагментировано, но идеологические различия между краями политического спектра невелики. Фрагментация общества связана чаще всего с наличием в нем различных культурно-этнических групп. Среди стран с партийными системами сегментированного плюрализма можно назвать Нидерланды, Швейцарию, Индию, Израиль, Бельгию.

В Нидерландах причиной фрагментации общества стала поликонфессиональность. Но играющие существенную роль партии, возникшие на религиозной основе (Христианско-демократический призыв, Христианский союз и Партия реформы политики), в современном обществе вполне могут быть введены в право-левый континуум, где они играют роль правого и левого центра между социалистами (Лейбористской партией) и либералами (Народная партия за реформы и демократию). Причем Христианско-демократическая партия в настоящее время является самой значительной силой парламента Нидерландов.

В Швейцарии, Бельгии и Индии фрагментация общества носит полиэтнический характер. В Бельгии в 1960–1970-е гг. каждая из действовавших в стране политических сил, отражавших преимущественно социально-экономические и религиозные проблемные измерения, раскололась на фламандско- и франкоговорящие партии. Так, центристская Христианская социальная партия / Христианская народная партия, возникшая на базе религиозного проблемного измерения в 1945 г. и опирающаяся на католический электорат, раскололась на фламандскую Христианскую народную партию (в 1999 г. переименованную в Христианские демократы и фламандцы) и на франкоговорящую Христианскую социальную партию в 1972 г. В связи с падением поддержки со стороны католиков

последняя приняла Хартию демократического гуманизма в 2001 г. и сменила имя на Гуманистический демократический центр. Помимо данных центристов, в стране существует еще и центристская франкоязычная Экологическая партия.

В Швейцарии правительство с 1959 г. традиционно формируется из представителей четырех крупнейших партий: центристских Христианско-демократической народной партии и Свободно-демократической, левоцентристской Социал-демократической и правой Швейцарской народной.

В Израиле существуют не только серьезные религиозные конфликты (породившие партии «Шас» и «Объединенные иудеи Торы»), но и противоречия между арабами и иудеями, вновь прибывшими и родившимися в стране (на этом противоречии возник «Наш дом – Израиль»). Соответственно, в подобных системах центр необходимо определять по нескольким осям, если их значимость равновелика. Так поводом для возникновения израильской центристской партии «Кадима» в 2005 году послужило, в первую очередь, разногласия А. Шарона со своими коллегами из правоцентристской партии «Ликуд» по одностороннему разъединению с Палестинской Автономией, предполагающему вывод израильских поселений с палестинских территорий.

Очевидно, что в системах сегментированного плюрализма центр представлен несколькими партиями разного генезиса. Чаще всего это неолиберальные партии, пережившие смещение к центру, религиозные и экологические. Большее количество центристских партий создает при условии относительно невысокого уровня поляризации много коалиционных возможностей.

Система поляризованного плюрализма отличается не только большим (свыше пяти-шести) количеством влиятельных партий, но также тем, что в ней, в отличие от всех предыдущих случаев, соревнование за электорат идет только в сторону удаления от центра. Первая черта этой системы – наличие влиятельных центристских сил. Центр может существовать в виде одной партии, как в послевоенной Италии, или группы партий, как в Веймарской республике и Франции.

Сартори, помимо наличия влиятельного центра, выделяет еще *семь признаков*, которые и позволяют определить партийную систему в качестве системы поляризованного плюрализма. Вторым признаком этой системы – существование влиятельных антисистемных партий, не признающих существующий режим и стремящихся к его уничтожению. Третий и четвертый признаки системы поляризованного плюрализма, согласно Сартори, следующие: существование двух формально взаимоисключающих

друг друга оппозиций, противостоящих правящему режиму (находящемуся в центре) с разных сторон; а также высокая степень идеологической поляризации. Поляризация возникает только тогда, когда существует серьезная идеологическая дистанция между краями политического спектра [16, с. 135]. В качестве пятой черты системы поляризованного плюрализма Сартори называет преобладание центробежных сил в электоральном соревновании за голоса избирателей над центростремительными. Шестая черта связана с большим влиянием идеологии на политический процесс в целом. Седьмым признаком итальянский исследователь называет наличие безответственной оппозиции, которая, не участвуя в создании правительства, позволяет себе ничем не обеспеченные заявления. Последняя, связанная с предыдущей, восьмая черта поляризованного плюрализма – склонность к политике «чрезмерных обещаний».

В качестве примеров партийных систем поляризованного плюрализма Сартори приводит Веймарскую республику в Германии, Италию 1944–1961 гг., Францию периода Четвертой республики, Чили, а также Испанию периода 1931–1936 гг. и послевоенную Финляндию. Аналогичным образом как системы поляризованного плюрализма можно классифицировать российские партийные системы 1905–1917 и 1992–1993 гг. [8, 9].

Для Веймарской республики, Италии, Франции и Чили хотя бы одна из центристских партий была христианско-демократической. В Финляндии значительная центристская партия была основана на базе аграрной партии, испанский центр был представлен Радикальной партией.

Во всех приведенных Сартори примерах политических систем центр постоянно подвергался воздействию центробежных сил, что во всех случаях, за исключением Финляндии и Италии, привело центр к коллапсу. Поэтому для Сартори роль центра скорее негативная.

Однако размывание центра в системе поляризованного плюрализма не является неизбежным. В этом смысле существенно дополнил выводы Сартори П. Фарнети. Он указал на возможность существования ситуации, в которой антисистемные партии не изменяют своего отношения к системе, но борьба за голоса избирателей становится центростремительной. Работа Фарнети преимущественно посвящена итальянской партийной системе, но он считает, что с определенной осторожностью можно говорить о некоей универсальной модели *центростремительного плюрализма*.

Обозначим здесь в самых общих чертах отличие системы центростремительного плюрализма, предложенной Фарнети, от системы поляризованного плюрализма, описанной Сартори. По-прежнему центр остается важнейшей составляющей. Динамика центростремительного плюрализма

появляется из соревнования за создание альянса с центром, т.к. потери от постоянного положения в оппозиции выше, чем от готовности пойти на компромисс ради принятия какого-либо правительственного закона. Однако это сближение с центром не гарантирует смягчение программных установок и ослабление идеологического напряжения. Согласие по поводу фундаментальных принципов развития политической системы еще продолжает отсутствовать, однако нарастает процедурное согласие [13, с. 183].

Центростремительный плюрализм – это своего рода переходная ступень от поляризованного плюрализма к умеренному. Фарнети показывает, что модель центростремительного плюрализма демонстрирует два основных образца перемен: один внешний, а второй – внутренний. Первый подразумевает превращение соревнования за центр в состязательную динамику двухпартийной или двухальянсной системы, в хорошо известное чередование коалиций у власти, сходное с немецким или австрийским. Второй внутренний – смена партий, занимающих центр, т.е. тех партий, которые создают правительственный альянс [13, с. 184–187]. Именно в ситуации центростремительного плюрализма центр проявляет свои сдерживающие функции.

В ходе исследования Фарнети приходит к выводу, что партийная система поляризованного плюрализма, существовавшая в Италии с 1944 по 1961 гг., сменилась к 1965 г. системой центростремительного плюрализма. В середине 1960-х гг. занимающая центр Христианско-демократическая партия привлекла к коалиционному партнерству Итальянскую социалистическую партию. В начале 1970-х гг. лидер ХДП Альдо Моро попытался даже пойти на альянс с коммунистической партией, что говорит о кардинальном изменении политического климата в стране. В итоге Итальянская социалистическая партия сдвинулась к центру так, что тоже существенно поправевшие коммунисты стали ее левым флангом, а христианские демократы – правым. После 1979 г. именно социалисты выполняли роль центра, улавливающего голоса, как справа, так и слева. Фарнети предсказывал, что логика системы должна привести к соревнованию двух коалиций: левоцентристской и правоцентристской. Недавние события в Италии подтвердили справедливость его выводов.

Рост центристски настроенного электората привел к сокращению идеологического пространства между краями спектра. А смена в 1993 г. типа избирательной системы привела к тому, что соревнование даже чисто внешне стало двухблоковым. В настоящее время в результате разного рода перегруппировок политических сил данные соперничающие коалиции имеют следующий вид: победившая на последних выборах в апреле

2008 г. правоцентристская коалиция во главе с С. Берлускони, состоящая из его партии «Люди Свободы», Лиги Севера и Движения за автономию; и противостоящая ей левоцентристская коалиция во главе с В. Велтронни, состоящая из Демократической партии и Италии ценностей. Между ними в Палате депутатов располагается небольшой (собравший 5,6% голосов) «Союз центра», который уже не является самостоятельным полюсом силы, как бывшая центристская ХДП, а лишь небольшой «шарнирной партией».

К аналогичным выводам о неоднозначной роли центра в процессах поляризации пришел и крупный исследователь центристских партий Рейвен И. Хазан. С одной стороны, результаты его исследования показывают, что, чем больше центристская партия, тем более умеренные партии справа и слева от нее стремятся сместиться к краям политического спектра, провоцируя центробежный характер соревнования. Присутствие центристской партии лишает надежды умеренно левых и правых приобрести новых избирателей в центре, поэтому они стремятся найти их ближе к полюсам спектра, тем самым предлагая населению и политикам сделать однозначный выбор между одним из двух лагерей на политическом континууме.

При этом умеренные левые и правые партии не ставят перед собой задачи уничтожения системы. Они надеются всего лишь перейти от трехполярной модели электорального соревнования к двухполярной путем уничтожения центра, тем самым поляризуя систему.

Т.е. поляризация может быть связана с центром. Но существования стабильной центристской партии недостаточно для поляризации системы. Только когда партийная система становится нестабильной в результате социально-экономической трансформации, которая порождает усиленную электоральную подвижность, тогда поляризация и проявляет себя. В условиях нестабильности центр кажется уязвимым и умеренные партии пытаются атаковать его, поляризуя систему. Но если центр в состоянии удержать свою центристскую позицию, критикуя любое возможное правительство, основанное на союзе с экстремистами, то он в силах успешно противодействовать попыткам поляризации. Не достигнув успеха, умеренные партии оставляют стратегию поляризации и возвращаются назад к центростремительной модели соревнования за голоса избирателей [14, с. 159–162].

Итак, подводя итог освещению роли центра в разных партийных системах, необходимо зафиксировать нижеследующее. Во-первых, в корне не согласиться с утверждением М. Ильина о том, что многопартийная система с более чем тремя влиятельными партиями не благоприятствует

центризму [7, с. 32]. Напротив – чем сильнее идеологическое напряжение в системе, чем значительнее различия между краями политического спектра, что, как правило, выражается и в увеличении количества соревнующихся партий, тем больше у политического центра шансов быть выраженным в виде самостоятельных и влиятельных партий.

Во-вторых, нуждается в значительной коррекции популярное среди отечественных политологов утверждение о том, что мощный политический центр способен стабилизировать систему. Возникновение подобного тезиса объяснимо, ведь центр, благодаря своему расположению, более других способен к проведению переговоров с соседями справа и слева, к поиску компромисса и совместных путей выхода из кризиса.

Тем не менее мощный центр, особенно в виде крупной центристской партии, – это не «лекарство» от общественных проблем, а, напротив, следствие наличия серьезных разногласий в политической системе, и сам по себе он стабилизировать ничего не может. Если кризис будет углубляться, этот центр неизбежно развалится.

Более того, крупный центр в условиях кризисных явлений или трансформации системы толкает умеренные правые и левые партии на использование электоральной тактики поляризации системы, на отход от центра в надежде его разорвать. Однако если ситуация будет так или иначе стабилизирована, наличие долговременно существующего центра сможет привести к тому, что во многом благодаря доброй воле элитарных кругов направление соревнования станет центристским. Партийные системы в современных обществах, проходящих трансформацию, часто развиваются от систем поляризованного к системам умеренного плюрализма, которые в некоторых случаях (слабофрагментированных обществах) могут приобретать вид двухпартийной или двухблоковой системы, как мы видели на примере итальянской политической системы. Причем именно центристские партии становятся основой этого процесса. Чем меньше идеологическая разница между соперниками, находящимися на краях политического спектра, тем меньше становятся центристские партии по размеру, тем меньше осознаются они в качестве идеологического центра. И, наоборот, все больше зависят они от типа избирательной системы, все больше вынуждены искать собственную идентичность по другим менее важным проблемным измерениям. Но центризм в качестве некой идеологии, в качестве совокупности программных установок увеличивает сферу своего влияния, включая в нее практически всю политическую систему. Поэтому понятия центризма как набора неких идеологических представлений и центризма как политической партии не жестко совпадают друг с другом.

Библиографический список

1. Андреев А.Л. Центризм вообще и центризм по-русски (к анализу национальных контекстов центризма) // Политический центризм в России. М., 1999.
2. Громов В.Н. Политический центризм в партийном спектре современной России // Дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005.
3. Диманис М.Д. Либеральная партия ФРГ: поиск выхода из «кризиса идентичности» // Мировая экономика и международные отношения (МЭМО). 1999. № 1. С. 75–81.
4. Диманис М.Д. Политические партии ФРГ: концептуальные подходы к государству. (1945-1995 гг.) // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.
5. Дюверже М. Политические партии. М., 2001.
6. Загорский А.В. Партийная система от обретения стабильности к новой нестабильности // Япония: полвека обновления. М., 1995.
7. Ильин М.В. Природа и смысл центристской политики // Власть. 1998. № 8–9. С. 27–36.
8. Мурашева Е.В. Общая характеристика партийного спектра дореволюционной России // Политическая и партийная система современной России. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 2 октября 2009 г. М., 2009. С. 341–350.
9. Мурашева Е.В. Центристский блок «Гражданский союз» // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Сб. научных статей. Вып. 14 / Отв. ред. В.М. Утенков. М., 2007. С. 71–87.
10. Нечаев Д.Н. ФРГ: от «государства партий» к «государству общественных объединений» // Полис. 2002. № 2. С. 155–159.
11. Перегудов С.П. Изменения в расстановке политических сил в Великобритании и «коалиция центра» (70-е – нач. 80-х гг.) // Проблемы британской истории. М., 1984.
12. Daalder H. In Search of the Center of European Party Systems // The American Political Science Review. 1984. № 78, no 1. P. 92–109.
13. Farneti P. The Italian Party System. (1945–1980). N.Y., 1985.
14. Hazan R.Y. Centre parties. Polarization and Competition in European Democracies. L., 2000.
15. Safire W. New Political Dictionary. The Definitive Guide to the New Language of Politics by William Safire. Random House. N.Y., 1993.
16. Sartori G. Parties and party systems. A framework for analysis. Cambridge. N.Y. – Melbourne, 1976.

Л.Ф. Усикова

Политическая культура

В статье исследуется феномен политической культуры как важнейшей составной части политической жизни общества. Подробно рассмотрены содержание и сущность понятия, история становления, исследования и развития данной сферы культуры, а также значение уровня политической культуры граждан для прогрессивного развития общества. Важное место уделено особенностям, проблемам и перспективам развития политической культуры в России.

Ключевые слова: политическая культура, политическая система, политическая этика, политический опыт общества, политическая власть, политические ценности, нормы поведения, структура политической культуры, политическое сознание, типология политической культуры.

Большой интерес россиян к проблеме политической культуры объясняется их повышенной общественно-политической активностью. Политика все больше притягивает людей, хотя в обществе есть разрыв между потребностью и потенциальной возможностью граждан управлять делами в различных сферах общественной и государственной жизни и уровнем их политической культуры, которая представляет собой составную часть политической жизни всего общества.

Сущность политической культуры

Политическая культура – это общепризнанная сфера общей культуры человечества, непосредственно связанная с политикой, политической деятельностью, поведением и сознанием людей. Под политической культурой понимается исторический и социальный опыт национальной или наднациональной общности, которая воздействует на формирование политических ориентаций, политического поведения индивидов, малых и больших групп.

Понятие «политическая культура» введено в научный оборот немецким философом XVIII в. И. Гердером. Изучать эту разновидность как относительно самостоятельную проблему стали только в 50-е гг. прошлого столетия. Хотя надо отметить, что вопросы политической культуры исследовали выдающиеся мыслители всех времен – Платон, Аристотель, Макиавелли, Монтескье, Маркс, Спенсер, Вебер и др. Так, Платон считал, что люди учат друг друга быть хорошими гражданами – справедливыми, мудрыми, благочестивыми.

Идеи политической культуры и гражданской добродетели высказал и итальянский мыслитель Н. Макиавелли в работе «Государь». Первая гражданская добродетель – это деятельная любовь общего блага, которая развивается в свободном государстве, а общее благо – реальная цель, ей служат все граждане, живущие сознательной общественной жизнью [7].

Вопросы гражданской культуры и общества рассматривали французские просветители XVIII в. Монтескье, Вольтер, Руссо. Автор теории общественного договора Руссо утверждал, что народное собрание имеет право ограничивать, изменить, отнять власть, доверенную правителям. Чтобы народ смог выражать свою волю, его необходимо научить, просветить, сформировать у него гражданскую культуру, без которой не может быть единства понимания и воли.

М. Вебер, исследуя вопрос политической этики как составной части политической культуры, выделил два ее типа – «этику идеи» и «этику ответственности». Первая имеет в виду бескомпромиссную нацеленность на реализацию политического идеала, вторая – строгий учет всех последствий любого политического шага, и если реализация идеи жестко сказывается на обществе, то от нее можно отказаться [4].

Русский политолог И. Ильин считал, что цель человеческой жизни состоит не в том, чтобы заниматься политикой, а в том, чтобы творить культуру. Политика – только инструмент, который обеспечивает возможность для культурного развития [6].

Современная политология систематизировала знания о политической культуре. В научной литературе существует большое число определений, они условно подразделяются на два аспекта. Первый – это узкое толкование, которое сводится к политическим ориентациям, установкам и поведению индивидов; второй воспринимается как элемент общей культуры общества, связанной с политикой.

Американские политологи Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай и др. изучали общественные явления, относящиеся одновременно к сферам культуры и политики: политическое участие, поведение, настроение, ориентация и др. По Алмонду, каждая политическая система включена в особый образец, ориентированный на политические действия, которые он назвал политической культурой. Он считал, что политическая культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной системы; субъективная сфера, лежащая в основе политических действий и придающая ей значение [1].

Значит, индивидуальные позиции и ориентации объединяют в себя несколько элементов, а именно: познавательную ориентацию – истинное или ложное знание о политических объектах и идеях; эффективную

ориентацию – чувство связи, вовлеченность, противостояния и т.д. по отношению к политическим объектам; оценивающую ориентацию – суждения и мнения о политических объектах, которые обычно требуют применения конкретных критериев. Политическая культура – это сумма социально осознанных и глубоко прочувственных ценностей и соответствующих убеждений, которые пропитывают политическую деятельность в данном обществе. По мнению политологов Е. Вятра и А. Боднара, политическая культура – совокупность позиций, ценностей и кодекса поведения, касающаяся взаимных отношений между властью и гражданами. К политической культуре они относят: а) знания о политике, фактах, заинтересованность ими; б) оценку политических явлений: суждения о том, как должна осуществляться власть; в) эмоциональную сторону политических позиций, например, любовь к родине, ненависть к врагам, чувство отчуждения от политики и др.; г) признанные в данном обществе образцы политического поведения, определяющие, как можно и как следует поступать в тех или иных случаях. Политическая культура, по Боднару, является исторически сформированной совокупностью явных и скрытых представлений о разных аспектах жизни, в которую входят: а) политические нормы; б) политические институты; в) политические образцы; г) способы политического действия индивидуумов и общественных групп. Политическая культура имеет глубокие исторические корни, в ее рамках функционируют позиции и поведение индивидуумов.

Следует отметить, что и российские ученые рассматривали проблему политической культуры в следующих аспектах: как важнейший центральный элемент общей системы культуры (федеральной, буржуазной и т.п.); как характеристику степени знания, понимания, усвоения и претворения в жизнь массами политики государства; как критерий уровня знания, понимания и использования гражданских прав и свобод; как характеристику степени активной включенности в политическую жизнь общества и государства; как характеристику глубины политической убежденности и сознательности; как характеристику степени развитости политических институтов; как характеристику существующей политической системы, степени ее демократичности и эффективности [11].

Таким образом, в политологии много определений политической культуры, и все они приняты мировой наукой. Феноменами политической культуры являются национальный характер, сложившиеся стереотипы, мифы, биологический и географический факторы. Политическая культура – исторически сформированная совокупность представлений о разных аспектах политической жизни, в которую входят: ценности, нормы, политические институты, способы политического действия индивидуумов

и общественных групп. Отсюда следует, что политическая культура – это реализация политических знаний, ценностных ориентаций, образцов поведения социального субъекта (личности, класса, общества) в исторически определенной системе политических отношений и политической деятельности. Она включает зафиксированный в обычаях и законах политический опыт общества, классов, социальных групп, трудовых коллективов, индивидуумов, уровень их представлений о политической власти и политических отношениях, их способность дать правильную оценку явлениям общественной жизни и занять в ней политическую позицию, выраженную в конкретных социальных действиях [10].

В то же время, изучая сущность политической культуры, следует иметь в виду и то, что она выступает как подсистема культуры общества.

Политическая культура, ее сущность и социальная роль в обществе связаны с понятиями двух видов – с собственно культуроведческими (духовность, культурность, культурная программа) и политическими (политические ценности, цели, эталоны и нормы поведения, типологические модели).

Теперь рассмотрим соотношение между политической культурой и политической системой. Известно, что вторая включает в себя такой элемент, как политическая культура, от уровня которой зависят практика функционирования политической системы, взаимосвязь с поведением граждан, их политическая позиция. Политическую культуру можно рассматривать как функциональную и дисфункциональную по отношению к политической системе. Это отношение можно выразить в следующих тезисах:

- в длительные исторические периоды политическая культура модифицирует политическую систему;
- реально функционирующая в обществе политическая система отражает в себе историю политической культуры, хотя при этом не все ее элементы можно выявить;
- политическая культура относительно самостоятельна в своем функционировании.

Структура политической культуры

Политическая культура как система имеет свою структуру, представляющую собой совокупность взаимосвязанных элементов. В структуру политической культуры включаются потребности и интересы, знания о политике, убеждения, ориентации, ценностные суждения, оценки политических явлений, политическое сознание, характер мышления, признанные в обществе политические нормы, символы, традиции, образцы

поведения, навыки, способы политической деятельности, умения и опыт. В целом структурные элементы составляют культуру политического сознания, поведения и функционирования политических институтов.

Важное место в структуре политической культуры занимает политическое сознание, составными элементами которого выступают традиционные представления о политической системе, институтах, режиме, механизме власти и управления, о политических решениях, о носителях властных полномочий, о собственном месте в политической жизни, компетентности и эффективности участия в политической деятельности. Политические представления выступают на уровне теоретически систематизированных знаний и обыденного сознания, например, в виде чувств и настроений. К существенным элементам политического сознания относятся также политические ценности и ценностные ориентации личности, группы, общества.

Неотъемлемым элементом культуры политического сознания являются типичные для общества и группы политические установки, выражающие отношение субъекта к политическим явлениям, которые затем воплощаются в практику. Политическими установками могут быть позитивное и отрицательное отношение к получению политических знаний; активное и пассивное участие в политической деятельности, отношение к различным аспектам политической жизни, лидерам и партиям.

Политическая культура проявляется в политическом поведении. Оно представляет собой разновидность социальной активности субъектов, их действия носят мотивированный характер и выражают политические статусы. В основу мотиваций ложатся биологические, психологические и социальные предпосылки. Решающее значение в политическом поведении играют осознанные личностные интересы и ценности.

В каждой стране политическое поведение граждан имеет специфические особенности. Они обусловлены политической системой, культурой политического сознания, социально-экономическими историческими условиями развития общества.

Отметим существенные сдвиги в политическом поведении граждан нашей страны. На выборах партийные и идеологические мотивы голосования все больше уступают место личностной ориентации на кандидата. Эффективность органов государственной власти люди больше связывают с личными характеристиками депутатов и политических партий.

Итак, в политической культуре выделяются следующие элементы: политический опыт общества (классов, социальных групп, индивидов); политические ценности, нормы, традиции, инстинкты; образцы, способы

политического действия личности и общественных групп; уровень представления граждан о политических отношениях; политические интересы, знания, убеждения; политические институты, т.е. условно их можно определить как познавательные, эмоционально-оценочные, поведенческие элементы.

Уровни политической культуры

Анализ политической культуры позволяет выделить ее уровни. Обычно рассматривают политическую культуру личности, крупных общественных групп и массовых политических движений и обществ. В обществе, где развита политическая культура, есть гласность и плюрализм, активность граждан, их «включенность» во власть и управление общественными делами. Итак, политическая культура существует не только в форме знаний и убеждений, но и навыков, умений претворять политику в жизнь.

Формирование демократического стиля управления зависит от участия граждан в политическом процессе и от уровня развития политической культуры личности. Условно в содержание политической культуры личности можно включить социально-политические знания индивида, которые составляют его мировоззрение. Это знания о власти, политике, организационной структуре государства и его институтах, о перспективах общественного развития. К содержанию политической культуры личности относятся и соответствующие чувства и эмоции – патриотизм, гордость, преданность идеалам; политические убеждения, которые формируются на основе общности людей, классов, социальных групп. Они помогают личности оценивать социально-политические явления в обществе, воплощать в жизнь собственные идеалы и ценности, критически оценивать события в обществе. Политическая воля обогащает политическую культуру личности такими качествами, как самообладание и целеустремленность, настойчивость и решительность в достижении намеченной цели, стойкость и самоотверженность, которые способны подчинить поведение человека значимой необходимости. В содержание политической культуры личности входит ее деятельность: участие в работе государственного аппарата, выборах во властные структуры, практическая поддержка конкретных политических мер, предпринимаемых субъектами политики, участие в массовых мероприятиях (демонстрациях, митингах и др.).

Известно, что личности составляют общество, и современные реформы в нашей стране затрагивают интересы всех слоев общества, приводят их в движение, поэтому важно наличие стабилизирующих факторов,

которые бы обеспечили поступательное развитие общества. Особое место здесь принадлежит политической культуре социума. Ее сущность рассматривается как степень развития отношений между субъектами политики – общественными организациями, политическими партиями, социальными группами, слоями и отдельными гражданами. Эти отношения определяются исторически сформировавшейся политической жизнью общества. Они проявляются в развитости и активности политических качеств граждан, воплощаются в их мировоззренческих установках, социально-политических потребностях, нормах и ценностях, в уровне гражданской зрелости и характере политической деятельности членов общества.

Социально-политические отношения складываются на основе системы ценностей, которые существуют в обществе и определяют стандарты политической деятельности и поведения граждан. Хорошо известно, что любое общество отличается экономической, социальной, политической, духовная и культурная неоднородность и в нем, естественно, не существует единой политической культуры, а есть несколько типов культур и субкультур. Несмотря на различия, в обществе есть доминирующая политическая культура, выделяющая систему ценностей.

Показателем политической культуры общества служит реальное положение людей, уровень их осознанного включения в общественно-политическую и духовную жизнь, а также их гражданская зрелость. Только реально существующие условия для всестороннего и свободного развития людей определяют содержание прогресса общества.

Таким образом, в структуру политической культуры личности и общества включаются политические интересы, знания, убеждения, ориентации, оценки политических явлений, политические нормы, традиции, умение, опыт, политические институты. Можно также отметить, что политическая культура составная часть политической системы общества.

Типология политической культуры

Рассматривая проблемы политической культуры, следует выделить ее типы. Впервые Г. Алмонд и С. Верба сформулировали типологию сравнительного анализа «пяти демократий» (США, Великобритании, Италии, Германии и Мексики) и выделили три основных типа политической культуры.

Первый тип – это «провинциальная политическая культура». Она характерна для экономически отсталых обществ.

Второй – «подданническая» политическая культура. Члены общества, ориентированные на этот тип, знают о существовании специализированных

политических институтов и испытывают к ним определенные чувства, могут оценивать их и ориентироваться по отношению к ним. Вместе с тем это отношение носит в целом пассивный характер.

Третий тип – это «политическая культура участия» (партисипаторная). Члены общества внутренне сориентированы на существующую политическую систему, все ее основные структуры, т.е. как на «вход», так и на «выход», на осознанное и активное участие в политической жизни [1].

В чистом виде эти модели встречаются редко. Поэтому Г. Алмонд и С. Верба выделили три типа – провинциалистско-подданическую, подданическо-партисипаторную и провинциалистско-партисипаторную политическую культуру.

Провинциально-подданический тип политической культуры характеризуется тем, что большая часть населения отвергает притязания племенной, деревенской и феодальной власти и привержена более сложной политической системе с центральными правительственными структурами. Такой тип политической культуры характерен для перехода к единому централизованному государству.

Подданическо-партисипаторный тип политической культуры характеризуется тем, что у значительной части населения появляются «специализированные ориентации» по отношению к политической системе и ее элементам. При этом существенная часть общества ориентируется на авторитарную правительственную структуру.

Провинциалистско-партисипаторная политическая культура присуща многим развивающимся странам. Политическая система фрагментарна, и проблема заключается в том, чтобы обеспечить активное участие граждан в политической жизни.

Следующий тип – тип смешанной политической культуры, это гражданская культура. Она характерна для стран с развитой демократией (США, Великобритания). Основные черты этой культуры – легитимность политических институтов, плюрализм интересов, компетентность, взаимное доверие с гражданами, которые как пассивны, так и активны в политике.

Польский ученый Е. Вятр предложил еще одну типологию политической культуры. В ее основе связь политических культур с политическими системами и лежащими в их основе общественно-политическими формациями. Он выделил три основных типа политической культуры: традиционная, буржуазно-демократическая и социалистическая демократия, которые дополняются культурой сословной демократии, авторитарной и реликтовой автократической. Буржуазно-демократическая культура выступает в виде консервативно-либеральной или

либерально-демократической. Консервативно-либеральная модель признает в качестве главных ценностей гражданские права и свободы, но в то же время отрицает общественно-реформаторский аспект культуры. Для либерально-демократической модели характерны социальные реформы, которые проводит государство [5].

Обращает на себя внимание типология политической культуры, предложенная российским ученым Э. Баталовым. Он считает, что на протяжении веков человечество выработало два основных цивилизованных механизма – рынок и государство. Их действие и взаимодействие существенно влияют на все стороны материальной и духовной жизни общества. Рынок формирует определенный тип личности, ее сознание и поведение, политическую культуру, которую можно назвать рыночной.

Рыночная политическая культура, по Э. Баталову, есть культура, которая рассматривает политические проблемы и процессы сквозь призму отношений купли-продажи, свободного обмена товарами свободными производителями, а достижения – как высшую цель деятельности. Политика, с точки зрения этой культуры, есть разновидность бизнеса, сам политик – разновидность бизнесмена, а политические решения – разновидность торговой сделки [3].

Главным элементом рыночной политической культуры являются: ориентация на конкурентную борьбу как универсальный принцип формирования и развития общественного организма; индивидуалистически ориентированная культура, для которой высшей целью и ценностью является партикулярное (индивидуальное, групповое, а в международном плане – национальное) существование; ориентация на спонтанность, естественность, саморегулирование в отношении политической или иных функций.

Этатистская политическая культура – это культура, которая связывает решения политических проблем и контроль над политическими процессами с действием механизмов государственного регулирования. Она ориентирована на регулирование конкурентной борьбы социальных и политических конфликтов вплоть до жесткого их ограничения. Для нее, как и для «тотальной культуры», интересы целого государства, какой-либо другой организации выше частных интересов. Этатистская культура представляет собой рациональную культуру, ориентированную на организованность и бюрократизированность управления.

Таковы два типа культуры – рыночная и этатистская. В чистом виде они практически не встречаются.

С точки зрения отношения к преобразованиям выделяются два типа культуры: замкнутый, который целиком нацелен на воссоздание

традиционного образца, и открытый, ориентированный на новые изменения и усовершенствования.

В национальных политических культурах есть автономные структурированные образования, обозначаемые субкультурами. Они формируются на разных основаниях. Можно выделить национально-этнические политические субкультуры, они характерны для районов компактного проживания, встречаются в Индии, Китае, России, США и др. Можно вычлениить социальные субкультуры: рабочих, крестьян, среднего класса и др.

Для современного российского общества характерны политические субкультуры: тоталитарно-авторитарные, адаптационные, активно-демократические, радикальные (экстремистские) [9]. Тоталитарно-авторитарная субкультура подразумевает веру в единственную идеологию, которая определяет развитие всего общества. Здесь уместно выделить этатистскую культуру и связанную с ней надежду решить все проблемы жестким государственным регулированием. Этатистская политическая культура способствует образованию исполнительской политической культуры, в которой главным является единство подданных патерналистских суждений и поступков субъектов политики. Люди испытывают любовь и веру к партии, государству, лидеру, связывая с ним надежды на улучшение своего положения. Следующий тип – адаптационная субкультура. От исполнительской ее отличает сохранение личного комфорта и спокойствия, нежелание исполнять обязанности и реализовывать права гражданина.

Альтернативу рассмотренным субкультурам представляет активистская, демократическая субкультура. Она характеризуется инициативой, творчеством в развитии демократических форм осуществления власти.

Нужно сказать еще и о радикальной (экстремистской) политической субкультуре, в основе которой находится конфронтация с официальной властью, упразднение официальных органов управления, нежелание выполнять закон, неуважение институтов власти.

Политическая культура выполняет в обществе следующие функции: воспитательную, эвристическую, социализационную, регулятивную, нормативно-ценностную, исторической и политической преемственности.

Воспитательная функция. С помощью политической культуры воспитывается гражданин, его гражданственность определяется отношением к стране, обществу, нации, установками самостоятельно ориентироваться в изменившейся обстановке, принимать правильные решения для достижения политических целей, добывать необходимую информацию и правильно ею пользоваться, владеть культурой общения с партнерами, использовать свои права гражданина, уметь защищать свободу.

Эвристическая функция. Политическая культура вооружает личность знаниями о политике. Это представления о перспективах общественного развития, методах и средствах социального управления, функциях политической системы.

Функция социализации. Она помогает индивиду «входить» в политику, использовать ценности политической системы, усваивать политические знания, представленные официальными институтами политической системы.

Интеграционная функция. С ее помощью происходит сплочение граждан вокруг политических ценностей, которые составляют основу политической культуры. В основном в обществе идет интеграция для реализации норм господствующего класса, даже если они не поддерживаются всеми общественными группами.

Регулятивная функция политической культуры связана с содержанием и утверждением норм и институтов, которые определяют основы функционирования политической системы, межличностные отношения в рамках поведения и действия людей. Эта функция приобретает значение в демократическом обществе, где создана правовая система и культура, которые определяют нормы поведения граждан.

Нормативно-ценностная функция. В данном случае понимается как политическое явление, как реальная действительность. В качестве ценности выступают политические события, теории, отечественная история, теория разделения классов, концепция многопартийности, форм демократии, плюрализм, уровни политических культур членов общества и др.

Функция обеспечения исторической и политической преемственности, непрерывности. Политическая культура обеспечивает преемственность политического опыта от старшего поколения к младшему, предлагает общие подходы к оценке политических явлений и событий, трансляцию политико-культурных стереотипов. Это помогает определить политическое состояние общества, рассматривая его как сложную взаимосвязанную и многоуровневую систему, где сложился исторический опыт, установки и убеждения предшествующих поколений и обеспечено воспроизводство политической жизни.

Таким образом, функции политической культуры в развитии общества чрезвычайно велики. Она помогает формировать, воспитывать политическую личность и осуществляет действие политической системы в рамках закона.

Перспективы развития политической культуры в условиях реформирования всех сфер общественной жизни предполагают ее обогащение достижениями демократической культуры других социально-политических

систем. Но при этом надо помнить выражение С. Козна, что ни одна политическая система ни в одной стране не будет стабильной, если она не рождена в самой этой стране, на ее почве как результат развития собственной политической культуры. Чтобы двигаться вперед, необходимо предвидеть основные тенденции развития политической культуры [2].

Современные рыночные отношения начинают формировать в обществе новую политическую культуру, которая основана на плюрализме мнений и достижении консенсуса. Однако реформирование, передел собственности приводит к несовпадению интересов различных социальных групп и к конфликтам, которые обязательно порождают конфронтацию в обществе.

Сегодня в России сложилась достаточно разнородная политическая культура. Хотя демократическая культура начинает углубляться, подавляющая часть населения страны носит ярко выраженные черты традиционалистской (патриархальной) политической культуры. В этих условиях необходимо настойчиво продолжать демократические процессы в стране, требуется переориентация гражданской активности населения с политических на социально-экономические реформы.

Библиографический список

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1994. № 4.
2. Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. Вып. 1. М., 1990.
3. Баталов Э. Политическая культура современного американского общества. М., 1990.
4. Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. 1992. № 3.
5. Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.
6. Ильин И. Почему сокрушился в России монархический строй // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи. 1948–1954 гг. В 2-х тт. Т. 2. М., 1992.
7. Макиавелли Н. Государь. М., 1990.
8. Политическая культура России: история, современное состояние, тенденции. М., 2004.
9. Соловьев А.И. Культура власти современного российского общества. М., 1992.
10. Соловьев А.И. Политология. Политическая теория и политические технологии. М., 2001.
11. Тихонова В.А. Политическая культура российского общества: социально-философский аспект. М., 2001.

Антонова Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: veritas.antonowa2010@yandex.ru.

Артеменко Светлана Александровна – соискатель кафедры всеобщей истории и теологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: anubises@mail.ru.

Жиряков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой всеобщей истории и теологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: istfak-mggy@mail.ru.

Иванишкина Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философских и социально-политических дисциплин, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: juliva6@gmail.ru.

Мурашева Елена Евгеньевна – кандидат политических наук, доцент кафедры философских и социально-политических дисциплин, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: murasheva@mail.ru.

Никифоров Юрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: 9035038012@mail.ru.

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и теологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: arkigolkin@yandex.ru.

Суховерхов Валерий Васильевич – доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры всеобщей истории и теологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: sujoveryjov@gmail.com.

Усыкова Людмила Федоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философских и социально-политических дисциплин, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: borzenok@inbox.ru.

Юрьев Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: istfak-mggy@mail.ru.

A. Yuryev

Socialists-revolutionaries: from July events to Kornilovskiy mutiny (on the example of the Central industrial region of Russia)

The article reviews the activity of the Party of socialists-revolutionaries and its organizations in the Central industrial region of Russia after July events of 1917 and during Kornilovskiy mutiny.

Key words: Provisional government, Party of socialists-revolutionaries, socialists-revolutionaries, bolsheviks, cadets, Councils of deputies, mutiny, meeting, resolution.

Yu. Nikiforov

On the eve of the War: did the USSR plan a preventive strike against Germany? (Force-strategic plans of the Soviet Union before the Great Patriotic War)

In this article the author performs a historiographical analysis of the USSR's state of readiness to the potential war with Germany in 1941. The author pays attention to the character of Wehrmacht attack on the 22nd of June, 1941, which in any case cannot be described as a preventive action. As for the Soviet Defense Planning, the analysis of contemporary historiography presents failure of attempts to charge Soviet leaders with the preparation of preemptive attack on German Forces.

Key words: the USSR, Germany, the 22nd of June, 1941, preventive attack, «Observations on Red Army Strategic Deployment», Joseph Stalin.

T. Antonova

The Program of political novelty of grand duke Konstantin Nikolayevich Romanov

In article gives a review of the political program of grand duke Konstantin Nikolayevich Romanov that is modeled on separate episodes of his participation in state affairs. The author points out crucial aspects of the program, its

ideology and motivation. The article adds to the portrait of liberal bureaucracy in Russia in the time of great reforms, opposition with the “right” wing in emperor Alexander II’s milieu.

Keywords: liberal bureaucracy, autocracy of emperor Alexander II, grand duke Konstantin Nikolayevich, liberal reforms, consultative representation, management decentralization, constitutional projects, a zemstvo, public amateur performance.

A. Orlov

Idea of the Natural Law in «Treatise on the Establishment of Peace in the Christian World» (1464)

The article is devoted to the project «Treatise on the Establishment of Peace in the Christian World» (1464) by the Czech King Irzhi Podebrad. The carried out research proves that it is impossible to treat this document as the project of «eternal peace». Despite the fact that the treatise contains typical ideas for the epoch of the Late Middle Ages in Europe, the main novelty which can clearly be traced in the ideas of the project is the demand for change of old Feudal law for the new concept of the «Natural Law».

Key words: project of the Czech King Irzhi Podebrad, projects of «eternal peace», Feudal Law, «Natural Law».

V. Sukhoverkhov

Spain in the first half of the XVIIIth century: the beginning of modernization initiatives of «the enlightened absolutism»

The article is devoted to the question of the necessity of research the reigns of Spanish kings Felipe V and Fernando VI, «neglected» in the Russian historiography. Also the article briefly deals with the issues of the kings’ activity on taking Spain out of long economic-cultural decline.

Key words: administrative initiatives, bourgeois modernization, political machinery, ideas of Enlightenment, «the enlightened absolutism», program of reforms, economic-cultural decline.

S. Artemenko

The causes of emergence and development of Methodist Movements in England in XVIII century

The article studies the issues of establishment of Methodist Movement in England in XVIII century: the economic situation in England in the period

of Methodist Movement's manifestation; the leaders of the Movement: Charles and John Wesley and George Whitefield, peculiarities of their evangelical activities and causes of movement's success; relations with official Anglican Church; social aspects of Methodists activities (organization of local communities, their regulations and statute; wide evangelical activity; charity, social structure of Methodism followers).

Key words: English Methodism, Charles and John Wesley, Methodists local communities.

I. Zhiryakov

On the question of terminology events March–April 1938 in the history of Austrian State

This article examines the concept of «Anschluss», «Annexation», «Occupation» in the context of events in March - April 1938 in Austria, during the annexation of the Austrian state to Nazi Germany.

Key words: anschluss, the annexation, occupation, the international socialistical movement, social democracy, referendum, sovereignty.

Y. Ivanishkina

Theoretical bases of Islamic political subculture

The article investigates the problem of religious factors impact on the formation of Islamic political subculture. The article reveals historical roots and basic principles of Islamic social and political doctrine. Special attention is paid to the political ideas of the prominent Islamic theologians of the 20th century and to the problems of Muslim integration into the modern political system.

Key words: political culture, Islam, subculture, theoretical bases, integration, deliberation, democracy, political parties, political system, political theories, Islamic theology, caliphate, jamaat, shariat.

E. Murasheva

Political center in different types of party systems

The article deals with the role of the political center in different types of party systems. It discloses the correlation between the size and the strength of center parties and the level of the party system polarization. It helps to reveal the importance of a political center during the transition from polarized pluralism to moderate pluralism.

Key words: party system, type of the electoral system, direction of the electoral competition, ideological polarization, the length of the political spectrum, problem dimension, fragmentation of the society.

L. Usikova

Political culture

The article investigates the phenomenon of political culture as the most important component of political life of a society. The article presents a close study of the form and content of political culture, its formation, research and development of this sphere of culture. The article also highlights the significance of the citizen's level of political culture for the progressive development of the society. The author pays attention to the features, problems and perspectives of the development of Russian political culture.

Key words: political culture, political system, political ethics, political experience of the society, political power, political values, norms of behaviour, structure of political culture, political consciousness, typology of political culture.

Памятка автору статьи, представленной для публикации
в ВЕСТНИКЕ МГГУ им. М.А. Шолохова

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

К статье прилагается анкета автора: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); должность; место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); почтовый адрес (место проживания); телефон; E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а рецензии или отзывы на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:

109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 915-7369, доб. 225 – директор РИЦ Наумова Татьяна Николаевна, главный редактор Алексеева Алла Александровна.

E-mail: izdat_mgoru@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра

Гл. редактор –
А. А. Алексеева
Редактор –
Ю. Н. Толутанова
Корректор –
А. А. Козаренко
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2010.1

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 03.08.2010 г.
Подписано в печать 06.09.2010 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.